

И. И. Зарубинъ.

Матеріалы и замѣтки по этнографіи горныхъ таджиковъ.

Долина Бартанга.

Лѣтомъ 1914 года мнѣ пришлось принять участіе въ экспедиціи проф. Р. Готіо¹, которая была предпринята, съ этнографическими и лингвистическими цѣлями, въ припамирскія страны, обитаемыя иранскимъ населеніемъ.

Путешествіе наше, вслѣдствіе своей кратковременности, должно было носить по преимуществу развѣдочный и подготовительный характеръ и положить начало научному изслѣдованію иранскихъ племенъ Памира. Мысль эта теперь близка къ осуществленію, такъ какъ Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи, на средства котораго была совершена экспедиція 1914 года, далъ мнѣ возможность вновь совершить путешествіе на Памиръ съ тѣми же цѣлями, но, на этотъ разъ, на болѣе продолжительный срокъ и съ болѣе обширнымъ райономъ для обслѣдованія.

При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, не имѣетъ смысла теперь же предлагать вниманію читателей эти необработанные пока матеріалы, собиравшіеся въ теченіе всего только четырехнедѣльнаго пребыванія въ странѣ припамирскихъ таджиковъ, — срокъ, совершенно недостаточный для основательнаго знакомства съ страной и ея обитателями. Къ тому же, по условіямъ нашей работы, лингвистическія наблюденія не могутъ быть опубликованы въ настоящее время. Казалось, было бы гораздо продуктивнѣе выждать результатовъ второго путешествія и, по возвращеніи изъ него, сдѣлать сводку всѣхъ собранныхъ матеріаловъ и издать ихъ уже въ систематической обработкѣ. Но тутъ же я вспоминалъ, съ какимъ трудомъ приходилось мнѣ разыскивать въ немногочисленной, по преимуществу, журнальной литературѣ о Памирѣ, не всегда при этомъ доступной для публики, отрыв-

¹ Нынѣ покойнаго; скончался въ Парижѣ 11 сентября (н. ст.) 1916 г. отъ полученныхъ на войнѣ ранъ.

Ред.

вочныя свѣдѣнія, касающіяся интересующихъ меня областей или хотя бы сосѣднихъ съ ними; при этомъ не всегда мои поиски были успѣшны¹. Въ частности о долині Бартанга, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ ни одной статьи или даже маленькой замѣтки этнографическаго или лингвистическаго содержанія.

Это полное отсутствіе какой бы то ни было литературы заставило меня, не дожидаясь результатовъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, теперь же опубликовать тѣ немногіе матеріалы, которые могли быть мною собраны лѣтомъ 1914 года. По необходимости они должны быть отрывочны и неполны; я старался лишь о томъ, чтобы сообщать вполне достовѣрныя и проверенныя свѣдѣнія, но, конечно, и въ этомъ отношеніи могутъ быть ошибки и погрѣшности, которыя я надѣюсь исправить въ будущемъ.

Форма изложенія избрана мною хронологическая, какъ наиболѣе простая,—конечно, съ отступленіями тамъ, гдѣ это мнѣ представлялось болѣе удобнымъ.

Для изучающаго иранское населеніе Средней Азіи путь изъ Петрограда до поста Памирскаго (желѣзнодорожный до Андижана, колесный отъ Андижана до Оша и вьючный отъ Оша до Памирскаго поста) не представляетъ большого интереса: горные таджики населяютъ исключительно малодоступныя и труднопроходимыя долины, лежащія къ югу и западу отъ собственно Памирскаго плато, черезъ которое идетъ дорога.

На Памирскомъ посту былъ окончательно составленъ нашъ маршрутъ. По выработанному еще въ Петроградѣ плану мы должны были изъ поста Памирскаго спуститься внизъ по теченію Мургаба (называемаго въ нижнемъ теченіи Бартангомъ) до впаденія его въ Пянджъ, дальше по Пянджу до устья Язгулема, подняться, насколько возможно, по Язгулему и черезъ Дарвазъ вернуться въ Фергану. Въ этотъ планъ пришлось внести рядъ измѣненій, такъ какъ послѣ бывшаго въ 1911 г. землетрясенія², разрушившаго нѣсколько туземныхъ селеній, обвалившаяся гора запрудила Мургабъ, образовалось новое озеро, названное Сарезскимъ, по имени затопленнаго имъ поселка, и путь по Мургабу былъ такимъ образомъ закрытъ. Круглый путь по Гунту черезъ постъ Хорогскій требовалъ слишкомъ много времени, и мы

¹ Библиографическій обзоръ западно-европейской и отчасти русской литературы о при-памирскихъ мѣстностяхъ (по этнографіи и лингвистикѣ) приведены въ *Grundr. der Iran. Phil. I. Band 2. Abth. S. 288 f.* Изъ послѣдующихъ трудовъ больше всего этнографическаго матеріала даетъ книга графа А. А. Бобринскаго «Горцы верховьевъ Пянджа», Москва. 1908. Ред.

² Объ этомъ землетрясеніи и его результатахъ ср. статью подполковника Шпилько «Землетрясеніе 1911 года на Памирахъ и его послѣдствія» (Изв. И. Р. Геогр. Общ. Л., 69 сл.). Ред.

рѣшились, отославъ этой дорогой почти весь нашъ багажъ въ п. Хорогскій, отправиться, сравнительно налегкѣ, къ верховьямъ Бартанга кратчайшимъ путемъ, остававшимся въ нашемъ распоряженіи.

Путь этотъ совпадалъ вначалѣ съ дорогой, соединяющей посты Памирскій и Хорогскій и разработанной стараніями мѣстной военной администраціи для колеснаго движенія; затѣмъ, отъ западной оконечности озера Яшилъ-куль предстояло ѣхать на сѣверъ по правому берегу р. Лянгаръ-сай, перевалить черезъ Лянгаръ-Куталь въ Аличурскомъ хребтѣ и спуститься по р. Ирхтъ-хаць (на 10-верстной картѣ, изд. Туркестанскаго военно-топографическаго отд., рѣка эта названа Лянгаромъ) къ кишлаку (деревнѣ) Ирхтъ, расположенному въ 3—4 верстахъ отъ Сарезскаго озера. Дорога отъ Яшилъ-куля до Ирхта на 10-верстной картѣ не обозначена вовсе; вообще, по справедливому замѣчанію начальника Памирскаго отряда подполковника Шпилко, мѣстность эта на картѣ искажена до неузнаваемости.

Утромъ 30 іюня мы покинули Памирскій постъ. Новый мостъ европейскаго типа, построенный черезъ р. Мургабъ у самаго поста, былъ снесенъ, и намъ пришлось сдѣлать нѣсколько верстъ крюку, чтобы переправиться по старому и ветхому мосту, дрожавшему подъ ногами. Нѣкоторое время путь проходитъ по лѣвому берегу Мургаба, который вполнѣ оправдываетъ свое названіе (мургу — птица, аб — вода); то и дѣло изъ прибрежныхъ зарослей вылетали небольшія стаи утокъ. Вообще, по сравненію съ тѣми мрачными пейзажами, которые мы наблюдали до поста Памирскаго, мѣстность рѣзко измѣнилась: въ долинахъ попадались зеленѣющія лужайки, въ воздухѣ пролетали съ жужжаніемъ какіе-то жуки и мухи, и мы чувствовали, что уже выбираемся изъ суровой пустыни.

Спустившись съ перевала Джаманъ-талъ (11.800 фут.), близъ котораго виднѣются даже заросли ивняка — однѣ изъ немногихъ на Памирѣ, — мы остановились на ночь въ рабатѣ Чаковой.

Слѣдующую ночь провели въ рабатѣ Чатыръ-ташъ, расположенномъ, какъ указываетъ названіе, возлѣ большого четырехугольнаго камня. На слѣдующій день, 2 іюля, мы достигли озера Сассыкъ-куля, гдѣ встрѣтили начальника отряда, направлявшагося на Памирскій постъ. Онъ обѣщалъ дать знать о насъ волостному правителю (минъ-баши) Рушанской вол., живущему въ Кала-и-Вамарѣ, въ устьѣ Бартанга. Сверхъ того, такъ какъ мы намѣревались пробраться сначала въ верховья Бартанга, онъ далъ намъ на руки еще открытый листъ на персидскомъ языкѣ.

Близъ Сассыкъ-куля также имѣется рабатъ; на всемъ протяженіи Опъ-Памирской и Памиръ-Хорогской дорогъ, повсюду, гдѣ нѣтъ осѣдлаго, т. е. таджикскаго населенія, построены рабаты приблизительно на разстояніи 30—40 верстъ одинъ отъ другого, т. е. на разстояніи дневного перехода.

7*

Каждый рабатъ состоитъ изъ одного—двухъ помѣщеній для людей и нѣсколькихъ стойлъ для лошадей и, не претендуя на комфортъ, даетъ возможность путешественнику укрыться отъ непогоды. Рабаты западнаго Памира производятъ въ общемъ лучшее впечатлѣнiе, чѣмъ восточнаго.

У Сассыкъ-куля мы покинули военную дорогу и направились такъ называемой зимней дорогой къ Яшиль-кулю, гдѣ близъ устья рѣки Б. Марджанай мы должны были найти послѣднюю смѣну киргизовъ: отъ Ирхта уже начинаются земли таджиковъ.

Рис. 1. Стоянка у озера Яшиль-куль.

«Зимняя» дорога, по которой мы ѣхали, представляла собой просто слегка всхолмленную равнину съ виднѣвшимися тамъ и сямъ озерками и ручьями; мѣстами не видно ни малѣйшаго признака тропы, мѣстами зато появляется сразу нѣсколько. Эту дорогу называютъ зимней, потому что обычный почтовый трактъ проходитъ нѣсколько южнѣе ея, и только въ многоснѣжныя зимы пользуются сѣвернымъ варіантомъ пути, почти свободнымъ отъ снѣга. Яшиль-куль, вѣроятно, такого же происхожденія, какъ и Сарезское озеро: какая-нибудь катастрофа завалила русло Аличура, и воды разлились, не находя себѣ выхода. Оба берега озера высоки и скалисты.

У Б. Марджаная мы встрѣтили не только поджидавшихъ насъ киргизовъ, но и англійскаго геолога изъ Калькутты, который, какъ и мы, имѣлъ намѣреніе пройти къ Бартангу, но вслѣдствіе трудностей пути рѣшилъ вернуться обратно.

Утромъ 4-го іюля мы двинулись дальше. Тропинка проходитъ по берегу, то поднимаясь очень высоко, то опускаясь къ самой водѣ; кой-

гдѣ нужно просто спускаться въ воду, чтобы обогнуть неприступный утесъ. Нѣсколько разъ разгружали лошадей и на рукахъ переносили багажъ. Переходы по водѣ трудны тѣмъ, что въ темной водѣ озера не видно подводныхъ камней. Лошади боятся и скользятъ. Нѣсколько разъ случалось, что какая-нибудь изъ лошадей оступалась, падала въ глубокую воду, и, конечно, наши вещи промокали насквозь; раза два онѣ подвергались и большей опасности, но все обходилось благополучно.

Сейчасъ же за озеромъ начинается очень крутой и трудный подъемъ на переваль Буромаль; спустившись съ него, мы повернули къ сѣверу по широкому и отлогому берегу Лянгаръ-сай, гдѣ вскорѣ намъ попался небольшой таджикскій яйлокъ (лѣтовка). Мы разбили нашу палатку невдалекѣ отъ него.

Черезъ нѣкоторое время къ намъ явились два таджика — все мужское населеніе яйлока; кромѣ нихъ въ яйлокѣ — нѣсколько женщинъ и дѣтей. Они рассказали намъ, что пригнали сюда скотъ на лѣтнія пастбища съ Гунта, куда переселились послѣ землетрясенія 1911 г. изъ кишлака Сарезъ; другіе сарезцы выселились вверхъ по Мургабу и на Танымасъ; часть основала кишлакъ Ирхтъ, на берегу р. Ирхтъ-хаць, въ 3—4 верстахъ отъ Сарезскаго озера.

Яйлокъ этотъ — единственный, который намъ удалось посѣтить во время нашего лѣтняго путешествія — состоялъ весь изъ небольшого двора, шаговъ 8 въ ширину и шаговъ 10 въ длину, обнесеннаго стѣной (приблизительно арш. 2 въ вышину) изъ камня съ глиной; весь дворъ былъ наполненъ овцами и козами. Внутри двора въ двухъ углахъ были пристроены два небольшихъ помѣщенія, не превосходящихъ высотой стѣны, безъ оконъ и съ четырехугольнымъ входомъ безъ двери; въ этихъ пристройкахъ помѣщались старухи съ дѣтьми и прятались во время холодовъ ягнята. Снаружи къ стѣнѣ, окружавшей дворъ, было пристроено еще 4 помѣщенія нѣсколько большихъ размѣровъ. Одно изъ нихъ служило для склада провизіи, и его входное отверстіе заставлялось снаружи большой широкой доской. Другія были хижинны-сакли; въ каждой помѣщалось по одному семейству. Нѣсколькими перегородками каждая хижина дѣлилась на 3 или даже 4 отдѣленія: для провизіи, для ягнятъ и, одно или два, для жилья. Ни оконъ, ни дверей не было нигдѣ.

При нашемъ приближеніи женщины и дѣти подняли страшный вой; какая-то старая мегера во что бы то ни стало хотѣла попасть въ насъ камнемъ. Однако, мало-по-малу, при помощи кусковъ сахара и нѣсколькихъ мелкихъ монетъ, отношенія наладились, и намъ удалось посѣтить даже двѣ изъ боковыхъ хижинъ (саклей). Внутренность жилища вполне соответствовала наружному виду по своей примитивности и отсутствію какого-нибудь, даже первобытнаго, комфорта. Всю утварь составляли нѣсколько круглыхъ

деревянныхъ мисокъ (tāč), долбленыхъ кружекъ со вставнымъ дномъ (manák') и большихъ ложекъ для молока (sečák'); если прибавить къ этому ножи (čeg') и ножницы для стрижки шерсти (šaum), то получится полное представленье объ утвари лѣтняго жилища таджика. Въ одной саклѣ стояла большая деревянная колыбель (šepák').

Въ противоположность нищенской обстановкѣ жилищъ, домашній скотъ отличался своимъ разнообразіемъ. Кромѣ овецъ и козъ, загнанныхъ во дворъ, въ отдаленіи паслись двугорбые верблюды, лошади, ослы, коровы и яки; словомъ, всѣ породы, разводимыя въ западномъ Памирѣ, имѣли здѣсь своихъ представителей.

Бѣдность осмотрѣннаго нами яйлока объяснялась, впрочемъ, тѣмъ, что жители его еще не вполне оправились отъ постигшаго ихъ два года назадъ несчастья, заставившаго ихъ эмигрировать.

Но, — какъ впоследствии я не разъ слышалъ, — въ общихъ чертахъ, во всѣхъ яйлокахъ картина одна и та же. Переселяясь со своими стадами на лѣто въ болѣе возвышенныя долины, таджикъ не заботится о комфортахъ. Ему необходима лишь какая-нибудь кровля, подъ которой онъ могъ бы сохранять въ цѣлости припасы и ягнятъ. О себѣ онъ заботится меньше всего. По дорогѣ иногда приходилось встрѣчать заброшенные яйлоки, въ которыхъ жилища были кое-какъ прилажены гдѣ-нибудь въ выступѣ скалы, служившей одновременно и крышей и стѣной, или между двумя большими камнями, замѣнявшими стѣны.

Одинъ изъ таджиковъ согласился быть нашимъ проводникомъ до Ирхта, и раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы поѣхали дальше. Переваливъ черезъ Аличурскій хребетъ у сравнительно нетруднаго Лянгаръ-куталя, мы спустились въ тѣсное и мрачное ущелье, по которому протекаетъ Ирхтъ-хаць. Тропинка шла почти все время по лѣвому берегу рѣки, покрытому вперемежку то громадными, то острыми и мелкими, какъ щебень, камнями. Часто переправлялись въ бродъ черезъ безчисленные ручьи и водопады. Правый берегъ Ирхтъ-хаць спускается совершенно отвѣсно, — настолько отвѣсно, что стекающая сверху вода мѣстами не можетъ даже образовать ручья: она струится по стѣнѣ или падаетъ каскадомъ.

Нашъ проводникъ съ такой быстротой и ловкостью прыгалъ съ камня на камень, что почти всегда былъ впереди насъ, хотя мы ѣхали верхомъ. Онъ умудрялся даже собирать какіе-то неизвѣстные мнѣ ярко-фіолетовые цвѣты, росшіе въ рѣдкихъ лужайкахъ, попадавшихся на нашемъ пути; набравъ ихъ достаточно, онъ раздѣлилъ ихъ на три небольшихъ букетика, два поднесъ намъ, а третьимъ украсилъ себѣ голову, заложивъ его за ухо. Впоследствии мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что чисто иранская любовь

къ цвѣтамъ, несмотря на постоянную борьбу съ суровой природой, не только не заглохла у горныхъ таджиковъ, но принимаетъ подчасъ даже трогательную форму. Случалось иногда, послѣ долгаго и утомительнаго перехода по крутымъ и голымъ утесамъ, только къ вечеру добираться до селенія, и какая-нибудь старая «дама» съ улыбкой на морщинистомъ лицѣ протягиваетъ пучокъ яркихъ цвѣтовъ или пахучей травы...

За нѣсколько верстъ до впаденія въ Сарезское озеро долина р. Ирхтъ-хацъ расширяется, вода бѣжитъ спокойнѣе, и тропинка теряется въ береговыхъ заросляхъ тальника и березы. Въ 3.—4 верстахъ отъ впаденія въ р. Ирхтъ-хацъ въ озеро расположенъ кишлакъ Ирхтъ, въ который переселилась часть сарезцевъ послѣ гибели ихъ кишлака. Все населеніе состоитъ изъ 8 мужчинъ, 8 женщинъ и 12 дѣтей; кишлакъ насчитываетъ всего 8 домовъ.

Сами себя жители называютъ сарезцами (*mardúmi Saréz*); общеплеменнаго названія не существуетъ и дальше внизъ по рѣкѣ вплоть до кишлака Баситъ (*Basíd*); называютъ себя барчидивцами (*mardúmi Bārčödíf*), орошорцами (*mardúmi Róšorv*), при чемъ послѣднее названіе, вслѣдствіе значительности кишлака, распространяется и на населеніе сосѣднихъ кишлаковъ, такъ что *mardúmi Róšorv* живутъ не только въ кишлакѣ Орошорѣ (*Róšorv*).

Это преобладаніе Орошора надъ другими кишлаками отразилось и на русскихъ картахъ. Въ то время какъ на всѣхъ картахъ долина Бартанга съ прилегающей частью долины Пянджа обозначается именемъ Рушанъ, «картѣ верховьевъ Аму-Дарьи, составленной при военно-топографическомъ отдѣлѣ Главнаго Штаба по новѣйшимъ свѣдѣніямъ въ 1885 году», та же область извѣстна, кромѣ того, еще подъ именемъ Орошора.

Внизъ отъ кишлака Баситъ болѣе распространено самоназваніе *mardúmi Bārtáng*, хотя, конечно, въ употребленіи и болѣе детализированныя опредѣленія, происходящія отъ именъ кишлаковъ.

Рушаномъ (*Rūxān*) туземецъ называетъ сравнительно широкую и плодородную долину Пянджа отъ с. Хуфъ (*Xūf*) на югѣ до с. Шипадъ (включительно) на сѣверѣ, при чемъ, обыкновенно, рушанскимъ считается также кишлакъ Шуджанъ (*šūjān*) на нижнемъ Бартангѣ.

Эти границы совпадаютъ вполне и съ діалектическими различіями, которыя, впрочемъ, не настолько значительны, чтобы выходецъ изъ области верхняго Бартанга не могъ понять уроженца Рушана. Почти такъ же свободно понимаютъ рушанцы и шугнанское нарѣчіе. Совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло съ языкомъ Язгулема, отдѣленнаго отъ Бартанга труднопроходимыми горами: разница между *rušān* и язгулемскимъ языкомъ настолько велика,

что туземцы принуждены прибѣгать къ таджикскому языку (*zabāni pārsī, tājīkī*), являющемуся также официальнымъ языкомъ при сношеніяхъ съ русскими и бухарскими властями. Этимъ до известной степени «международнымъ» языкомъ пользовались и мы. Въ немъ также наблюдаются нѣкоторыя различія въ зависимости отъ мѣста: въ Дарвазѣ и Каратегинѣ, гдѣ онъ (*zabāni tājīkī*) является роднымъ языкомъ, говорятъ иначе, чѣмъ въ Рушанѣ и Шугнанѣ, гдѣ этотъ языкъ (*zabāni pārsī*) долженъ изучаться дѣтьми въ школахъ. При этомъ все-таки встрѣчаются люди (особенно въ верхнемъ Бартангѣ), совсѣмъ не говорящіе на *pārsī (tājīkī)*.

Къ востоку область Рушана (Бартанга) простирается верстъ на 30 за Сарезское озеро и къ сѣверовостоку доходитъ до средняго теченія р. Танымасъ.

Въ день пріѣзда нашего въ Ирхтъ мы не видѣли никого изъ жителей: всѣ они были въ яйлокѣ. На другой день явилось нѣсколько мужчинъ. Они категорически заявили, что дальше ѣхать невозможно; необходимо итти пѣшкомъ. Послали одного изъ таджиковъ за носильщиками и за аксакаломъ въ ближайшее селеніе Барчидивъ (*Bārčōdīf*).

Въ ожиданіи ихъ прибытія мы старались присмотрѣться къ людямъ и обстановкѣ, среди которой предстояло жить и работать.

Поражала и бросалась въ глаза даже ненаблюдательному человѣку крайняя бѣдность жителей. Она сказывалась и въ одеждѣ и въ отсутствіи какой бы то ни было утвари въ жилищахъ. Въ одномъ изъ домовъ я замѣтилъ вѣсы для пороха и свинца, сдѣланные изъ обломковъ разбитой деревянной чашки; когда у насъ не хватило посуды во время общаго чаепитія, во всемъ селеніи изъ 8 домовъ нашлось только одно жестяное ведро, пердѣланное изъ коробки для монпансье, брошенной здѣсь два года назадъ русскими офицерами. Въ домахъ не было видно ни малѣйшаго признака жилья, обитаемости.

Конечно, Ирхтъ выдѣлялся своей бѣдностью среди другихъ поселковъ потому, что жители его еще не могли оправиться отъ постигшаго ихъ несчастья. Но и дальше по всему Бартангу бѣдность горцевъ поразительна: нужно долго присматриваться, иногда просто разыскивать по всей саклѣ, чтобы найти какую-нибудь домашнюю утварь. Верхній Бартангъ въ особенности бѣденъ матеріальной культурой. Очень многое привозится съ низовьевъ рѣки или отъ киргизовъ восточнаго Памира.

Сравнительно гораздо зажиточнѣе и богаче долина Пянджа—Рушанъ. По словамъ рушанцевъ, ихъ богатство простирается до того, что у нихъ

есть два человека, которые регулярно пьют чай, и называли их поименно, чтобы слушатель не принял их слов за хвастовство. Один из этих двух счастливцев был местный ишанъ, другой — будущий наш спутник — «mullâ» из с. Вознаутъ. Приведенные слова ясно характеризуют как разницу между достатком таджиков Бартанга и Рушана, так и самый жизненный уровень их. Разница эта обуславливается главным образом, если не исключительно, географическими и климатическими данными.

Долины рѣкъ на Памирѣ вездѣ очень узки. Рѣдко онѣ расширяются и достигают версты въ ширину, представляя по большей части узкую полосу, съ одной стороны размываемую водой, съ другой — загромаждаемую обломками скалъ. И здѣсь, въ узкой полосѣ, у подножія горныхъ склоновъ, среди разбросанныхъ утесовъ и громадныхъ, скатившихся съ горъ, камней, расположены жилища и пашни таджиковъ. Но и такая ничтожная полоса доступной для земледѣльской культуры земли не идетъ непрерывно по всему теченію рѣки. Очень часто русло рѣки представляетъ узкій и глубокій коридоръ, образованный отвѣсными и нависшими скалами; всего на нѣсколько часовъ въ день попадаютъ сюда солнечные лучи. Ни о какой культурѣ въ такихъ мѣстахъ не можетъ быть рѣчи.

Бартангъ (равно какъ и Язгулемъ) выдѣляется даже среди памирскихъ рѣкъ суровостью и мрачностью своей природы. Эта рѣка глубже, чѣмъ другія, врѣзывается въ материкъ и почти повсюду течетъ среди отвѣсныхъ и недоступныхъ скалъ, замыкающихъ ея русло. Лишь изрѣдка встрѣчаются небольшія отмели, годныя для земледѣлія, и ширина ихъ нигдѣ не превышаетъ 100 сажень; здѣсь и ютятся поселки таджиковъ.

Только при впаденіи Бартанга въ Пянджъ долина расширяется, образуя сравнительно обширное ровное пространство, годное для культуры. Здѣсь на протяженіи 20 верстъ отъ устья Бартанга до кишлака Ваамтъ на Пянджѣ непрерывной полосой тянется 7 кишлаковъ со столицей Рушана — Кала-и-Вамаромъ — во главѣ.

Путешественника, спускающагося съ Бартанга, долина эта поражаетъ своимъ «богатствомъ» и просторомъ.

Для полного представленія объ естественныхъ условіяхъ страны необходимо помнить, что на протяженіи приблизительно 120 верстъ, отдѣляющихъ верховья Бартанга отъ его устья, мѣстность понижается на 2.250 фут.: Сарезское озеро расположено на высотѣ 8.790 фут., Кала-и-Вамаръ — 6.540 фут.

Въ Ирхтѣ не разводится никакихъ плодовыхъ деревьевъ; въ Ташъ-Курганѣ (Ṭashkāb) и Барчидивѣ (высота приблизительно 8.500 фут.) уже появляются абрикосъ, яблоня, тутъ и дыни; въ Сипонджѣ (Sērānĭ) встрѣ-

чаются арбузы, нѣкоторые сорта персиковъ и кукуруза. По Пянджу (въ указанной выше области) есть уже, кромѣ всего перечисленнаго, виноградъ и грецкій орѣхъ.

Изъ перечисленныхъ растеній наибольшее значеніе имѣютъ тутъ (*tud₀*) и абрикось (*pōš*). Тутъ встрѣчается какъ съ бѣлыми плодами (по большей части), такъ и съ черными, и разводится исключительно для употребленія въ пищу. Плоды его собираются, сушатся и или употребляются въ цѣломъ видѣ, въ качествѣ лакомства, составляющаго непремѣнную принадлежность всякаго угощенія, или же перемалываются въ муку, изъ которой готовится особое тѣсто или пастила.

Послѣ тутъ самымъ распространеннымъ и любимымъ плодовымъ деревомъ является абрикось. Разные сорта его разводятся повсемѣстно. По верхнему Бартангу можетъ разводиться только одинъ сортъ съ мелкими малосочными плодами желтаго цвѣта. Въ Рушанѣ, кромѣ обыкновеннаго туркестанскаго абрикоса, разводится еще особый сортъ, отличающійся крупными (до 4 см. въ діаметрѣ) яйцевидными плодами ярко-желтаго цвѣта съ румянцемъ; мякоть плода — очень сочная, съ болѣе освѣжающимъ вкусомъ, чѣмъ у обыкновенныхъ сортовъ.

Абрикосы употребляются въ пищу и въ сыромъ и въ сушеномъ видѣ и составляютъ весьма важный предметъ питанія. Для сушки обыкновенно плоды очищаютъ отъ косточекъ и раскладываютъ на крышѣ дома или на большомъ камнѣ. Ядрышки абрикосовыхъ косточекъ, вмѣстѣ съ тутомъ, считаются лакомствомъ; нанизавъ косточки на нитку въ видѣ бусъ, ихъ берутъ съ собой въ дорогу, и онѣ въ такомъ видѣ съ успѣхомъ замѣняютъ европейскіе консервы.

Изъ хлѣбныхъ растеній, распространенныхъ повсемѣстно, наибольшее значеніе имѣютъ пшеница, ячмень и рожь, изъ бобовыхъ — горохъ и бобы; овесъ не разводится вовсе.

Недостатокъ земли пріучаетъ туземца дорожить всякимъ клочкомъ, годнымъ для обработки. Встрѣчаются поля въ 2—3 квадр. сажени. Въ с. Баситъ, при впаденіи р. Девлехъ въ Бартангъ, на сравнительно пологомъ скалистомъ склонѣ устроенъ рядъ террасъ, на которыя нанесенъ сверху слой почвы, необходимый для пашни, такъ что узкія полосы полей, поддерживаемыя по уступу каменными стѣнами, образуютъ какъ бы лѣстницу.

Обработка земли по тѣмъ же причинамъ производится весьма тщательно. Землю пахутъ 2 — 3 раза плугомъ (*sōrāg*), запряженнымъ двумя быками. Если участокъ расположенъ такъ, что быки не могутъ до него добраться, обработка производится ручнымъ способомъ.

Бобы сѣются по большей части вмѣстѣ съ рожью; горохъ отдѣльно не сѣется, а почти всегда съ ячменемъ. Часто даже сорныя травы не выша-

ываются, и это происходит не от небрежности, а главным образом потому, что таджик дорожит общим количеством растительной массы, получаемой им с полей, и сорные травы, замѣняющія сѣно, также необходимы для него.

Жатва производится всегда серпомъ (zīg — по нижнему Бартангу, ḍās — въ верховьяхъ); если гдѣ есть луговой участокъ, то трава тоже жнется, а не косится; коса вообще неизвѣстна.

Для молотбы снопы кладутъ въ кругъ, и по нимъ гоняють быковъ. При этомъ стебли всѣ превращаются въ мелкую труху, которая идетъ на кормъ скоту.

Зерно перемалывается на маленькихъ водяныхъ мельницахъ (xadōrj), которыхъ въ каждомъ поселкѣ имѣется достаточное количество. Въ сел. Орошоръ, на примѣръ, состоящемъ изъ 37 домовъ, насчитывается 11 мельницъ. Каждая мельница находится въ пользованіи 3 — 4 семействъ. Для равномернаго паденія зерна и для регулированія размолы употребляются особые деревянные грузила (zarézák' - ḍārg'), которымъ на Бартангѣ очень часто придаютъ форму волка (wutj) или кінка (bič) (горный козель).

Для приготовленія пищи почти всегда употребляется смѣшанная мука, состоящая изъ нѣсколькихъ сортовъ хлѣба или изъ хлѣба съ горохомъ. Изъ этой смѣшанной муки изготовляются лапша, лепешки. Если провизіи очень мало, то просто бросается въ котелъ съ водой горсть муки, и полученная похлебка составляетъ очень часто единственную пищу таджиковъ.

Всѣ эти кушанья употребляются обыкновенно безъ соли: своей соли нѣтъ, и она привозится изъ Бадахшана и съ Рангъ-куля, при чемъ по своей цѣнѣ (бадахшанская — 1 руб. 60 коп. за пудъ, рангкульская — 80 коп.) она мало доступна для населенія.

Фрукты, во время созрѣванія, составляютъ главную пищу населенія. Важную роль въ питаніи играютъ также молочные продукты. Мясо употребляется лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Конское мясо и кобылье молоко таджиками въ пищу не употребляется по религіознымъ мотивамъ.

Только къ вечеру другого дня пришелъ изъ Барчидива аксакаль Кабуль и привелъ съ собой 6 человѣкъ носильщиковъ, — число недостаточное, по его мнѣнію, для насъ. Онъ послалъ уже въ окрестныя селенія за носильщиками, и они должны были прійти черезъ день или два.

Мы рѣшили взять съ собой то, что могли унести 6 человѣкъ, оставивъ остальные вещи съ нашимъ переводчикомъ, который долженъ былъ доставить ихъ по прибытіи остальныхъ носильщиковъ. Но оказалось, что намъ почти ничего не пришлось взять съ собой. Кабуль не хотѣлъ, чтобъ

одинъ человекъ бралъ больше, чѣмъ полпуда. Наши возраженія не привели ни къ чему. Онъ слушалъ ихъ терпѣливо, но затѣмъ продолжалъ настаивать на своемъ. Пришлось уступить.

Утромъ 8-го іюля мы выступили въ нашъ первый лѣшій переходъ. Нѣсколько верстъ дорога идетъ по берегу Ирхтъ-хаць; затѣмъ, повернувъ къ сѣверозападу, нужно пройти верстъ 6 по берегу Сарезскаго озера. И эта часть пути не только очень трудна, но и опасна. Нужно идти по осыпи, спускающейся къ водѣ подъ угломъ приблизительно $65-70^{\circ}$. Нѣтъ и слѣда какой-нибудь тропинки. Шедшіе впереди таджики, ступая намѣренно твердо и тяжело, оставляютъ за собой небольшіе выступы; нужно стараться идти по ихъ слѣдамъ; мелкіе камни сыплются изъ-подъ ногъ. Аксакаль Кабуль, замыкающій шествіе, все время напоминаетъ объ осторожности. Но и безъ его напominаній приходится быть осторожнымъ. Озеро здѣсь—не широкое: не шире $\frac{1}{2}-\frac{3}{4}$ версты. Противоположный берегъ—совершенно отвѣсный; сыпучая его поверхность никакъ не можетъ прійти въ устойчивое положеніе: почти безпрестанно то здѣсь, то тамъ скатывается какой-нибудь камень, и всплескъ воды гулко раздается въ тишинѣ.

Усойскій заваль совсѣмъ преградилъ дорогу по Бартангу. Пройдя нѣсколько верстъ вдоль берега озера, мы поднялись по его склону и направились къ Барчидиву уже по полному бездорожью. Слѣды землетрясенія еще нигдѣ не изгладились. Картины были самыя разнообразныя: громадныя осыпи, съ которыхъ было гораздо удобнѣе соскальзывать, чѣмъ спускаться, свѣжеизломанныя скалы и утесы самыхъ причудливыхъ формъ и очертаній, исполинскіе камни—все это чередовалось безъ всякаго порядка. Не было лишь ничего, чтб бы напоминало о жизни: ни травки, ни кустика, ни одного яркаго пятна, на которомъ могъ бы отдохнуть глазъ.

Почти два дня продолжался нашъ переходъ; только у самаго Барчидива мы нашли ожидавшихъ насъ ословъ (лошадей въ Барчидивѣ нѣтъ) и остававшуюся часть пути могли совершить уже съ относительнымъ комфортомъ.

Отдыхъ въ Барчидивѣ вознаградилъ насъ за всѣ трудности перехода. На лужайкѣ, въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ, насъ ожидалъ уже роскошный «достарханъ», состоявшій изъ абрикосовъ и кислаго молока. Всѣ знатные и почетные люди собрались тутъ же, чтобы встрѣтить насъ.

Вскорѣ былъ готовъ ужинъ, въ которомъ приняли участіе чуть ли не всѣ взрослые мужчины кишлака. Но и послѣ ужина общество долго еще не расходилось. Появились музыкальные инструменты, и вечеръ закончился музыкой и пѣніемъ.

Барчидивъ, въ которомъ мы провели два дня, — одинъ изъ старыхъ кишлаковъ. Названіе его происходитъ отъ словъ: bāg — высокій, наверху и čōdīf — дома (čōd — домъ). Въ немъ насчитывается 11 домовъ и около сотни жителей. Всѣ жители считаютъ себя коренными обитателями края, и никакихъ воспоминаній о приходѣ откуда-нибудь изъ другого мѣста у нихъ не сохранилось. Только одинъ изъ стариковъ могъ припомнить, что онъ слышалъ, будто его предки пришли сюда изъ Индостана очень давно, когда еще не было на верхнемъ Бартангѣ никакого жилья, и поселились здѣсь; съ тѣхъ поръ смѣнилось уже 14 поколѣній. Отъ одного шугнанца изъ Поршнива мнѣ пришлось слышать, что его предки лѣтъ 400 или больше тому назадъ пришли на Пянджъ изъ-подъ Константинополя и что даже теперь еще у нихъ тамъ имѣются родные. Другихъ рассказовъ и преданій о переселеніи на Памиръ по Бартангу и въ Рушанъ мнѣ не пришлось услышать.

Если Ирхтъ, лежащій на самой границѣ иранской культуры Памира, не даетъ еще достаточно матеріала, чтобы имѣть о ней ясное представленіе, то Барчидивъ уже можно считать ея типичнымъ выразителемъ. Всѣ тѣ характерныя черты и особенности жизни горцевъ, которыя можно видѣть въ Барчидивѣ, наблюдаются и по всему Бартангу. Подобно почти всѣмъ кишлакамъ Бартанга, Барчидивъ расположенъ на узкой полосѣ наносной земли, образовавшейся при впаденіи горнаго ручья Баузидъ въ Мургабъ (Бартангъ). Катастрофы, подобныя сарезской, ежегодные обвалы и другіе геологическіе процессы набросали съ горъ на эту узкую отмель множество большихъ и мелкихъ камней, обломковъ скалъ и сланцевыхъ глыбъ, уменьшая и безъ того незначительную поверхность культурной земли.

Здѣсь-то и пріютилось нѣсколько таджикскихъ семействъ. Они урегулировали и использовали прежде всего каждую каплю текущаго съ горъ потока. Они заставили его пройти черезъ сложную систему арыковъ и орошать такимъ образомъ каждую пядь земли. На орошенной и плодородной почвѣ они посадили фруктовыя деревья, приносящія плоды и одновременно дающія тѣнь пріютившимся здѣсь же клочкамъ пашни и сѣнокоса. Мелкіе камни тщательно выбраны, и ими обложены арыки или изъ нихъ построены невысокіе заборы, отдѣляющіе владѣнія одного хозяина отъ другого. Крупные камни и обломки скалъ представляютъ отличный фундаментъ для хлѣбныхъ амбаровъ: иногда на одномъ большомъ камнѣ помѣщается сразу два амбара. Эти же утесы иногда даже облегчаютъ работу, давая возможность не выводить всѣ четыре стѣны зданія, а прямо пристроить его къ уже имѣющейся очень прочной природной стѣнѣ. Каждая пядь земли использована: въ расщелинахъ между скалами, иногда не превышающихъ 1 аршина въ ширину, таджики ухитряются развести табакъ, употребляемый ими, впрочемъ, не для куренія. Подобно другимъ туземцамъ Туркестана, таджики вер-

ховьевъ Бартанга курятъ сравнительно мало и рѣдко. Изъ зеленыхъ листьевъ табака они готовятъ порошокъ, который кладутъ за щеку или подъ языкъ. Дѣйствіе этого наркотика — одуряющее, не очень сильное, впрочемъ.

Въ Сипонджѣ встрѣчаются первыя трубки (*šilim*), и дальше, по всему Рушану и Шугнану, изготовляютъ почти исключительно курительный табакъ.

Таджицкій поселекъ непохожъ ни на русскую деревню съ ея длинными улицами, ни на сартовскую съ ея базарами и чай-хана (чайными). Таджикъ строитъ свою саклю «у себя»: къ ней примыкаютъ хозяйственные постройки, немножко поодаль находятся амбары для хлѣба. Всѣ эти строенія размѣщены въ саду, возлѣ персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ; тутъ же — посѣвы пшеницы и другихъ хлѣбовъ; нѣсколько пирамидальныхъ тополей и лужайка передъ домомъ дополняютъ картину. Поэтому тамъ, гдѣ земли больше и населеніе богаче, какой-нибудь небольшой кишлакъ оказывается растянутымъ на нѣсколько верстъ; иногда два—три сосѣднихъ кишлака совершенно сливаются другъ съ другомъ, и невозможно опредѣлить, гдѣ кончается одинъ и начинается другой.

Не только въ Рушанѣ, но и во всѣхъ припамирскихъ областяхъ вовсе нѣтъ базаровъ съ ихъ чай-хана и караванъ-сараями (два базара — одинъ въ Кала-и-Хумбѣ, въ Дарвазѣ, другой въ Хорогѣ, въ Шугнанѣ — обязаны своимъ существованіемъ стоящимъ тамъ гарнизонамъ бухарскихъ и русскихъ войскъ и большого значенія въ мѣстной жизни не имѣютъ). Поэтому въ горныхъ поселкахъ не существуетъ и общественной жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она типична для равниннаго Туркестана.

Большую часть времени таджикъ проводитъ дома, среди своей семьи, за полевыми, садовыми и огородными одновременно работами. Но иногда вечеромъ, по случаю ли пріѣзда путешественниковъ, общаго праздника или торжественнаго событія, таджикъ идетъ вмѣстѣ съ другими на какую-нибудь болѣе обширную по своимъ размѣрамъ или болѣе тѣнистую лужайку, гдѣ уже собрались старики и уважаемые люди селенія (*aqsaqól*, *muisáfíd*, *rešisafíd*, *safidbón*). Однимъ изъ присутствующихъ приносится незатѣйливый достарханъ, непремѣнную часть котораго составляютъ сушенныя тутовые ягоды и ядрышки абрикосовыхъ косточекъ и, если есть, сушеные абрикосы и фрукты, въ зависимости отъ сезона. Передаются новости, рассказываются легенды; наконецъ, у кого-нибудь въ рукахъ появляется струнный музыкальный инструментъ, и подъ его аккомпанементъ затягивается пѣсня. Напѣвы въ большинствѣ случаевъ — заунывные, меланхолическіе; содержаніе обыкновенно — религіозное, или же воспѣваются подвиги стариннаго богатыря. Чаще всего пѣніе — сольное, иногда дуэтъ.

Голосъ у горцевъ довольно высокій, — чаще всего невысокій теноръ, —

иногда слышатся баритональные ноты. Только одинъ старикъ изъ Басита обладалъ басомъ, и то не глубокимъ.

Аkkомпанируютъ тоже одинъ или двое; для аккомпанеента употребляется какой-нибудь струнный инструментъ, похожій на нашу балалайку или мандолину: *duťár, sêtár, rabáb* или *tambúr* (число струнъ—отъ 2 до 7). Рѣже аккомпанементъ замѣняется ударами по бубну (*dāf*) въ тактъ пѣнію.

Часто въ подобныхъ собраніяхъ принимаютъ участіе и женщины и дѣти, сидящія нѣсколько поодаль. Женщины вообще пользуются очень большою свободой. Только молодые стараются отворачиваться или натягиваютъ на лицо концы большого платка (*сіl*), носимаго на головѣ, при чемъ дѣлаютъ онѣ это, повидимому, исключительно изъ застѣнчивости передъ путешественниками-европейцами или передъ совершенно незнакомыми; признаковъ стѣсненія передъ односельчанами я не замѣчалъ. Лицъ онѣ не закрываютъ никогда. На горца, попадающаго въ городъ, гдѣ онъ видитъ сартскихъ женщинъ, тщательно закутанныхъ въ свои безобразныя черныя волосяныя покрывала, обычай этотъ производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Въ припамирскихъ горахъ только женщины, принадлежащія къ мѣстной аристократіи (духовной и свѣтской), считаютъ неприличнымъ показаться внѣ дома съ открытымъ лицомъ. Но на Бартангѣ нѣтъ такихъ аристократокъ.

Въ обращеніи между собой таджики отличаются мягкостью и выработанностью манеръ, свидѣтельствующею о старинной культурѣ. Любопытно было смотрѣть въ Ирхтѣ на нашего проводника-киргиза: въ присутствіи таджиковъ, онъ старался подражать имъ до мелочей въ манерѣ брать ѣду, садиться, благодарить и т. д., явно признавая ихъ превосходство.

Въ высшей степени интересенъ способъ привѣтствовать другъ друга при встрѣчѣ и разставаніи. При встрѣчѣ лицъ, равныхъ другъ другу по возрасту или положенію, каждый беретъ обѣими руками правую руку другого и подноситъ ее къ губамъ для поцѣлуя. Если хотятъ выразить особенную теплоту и сердечность, то послѣ этого цѣлуются въ губы. Дѣтямъ и значительно младшимъ просто подаютъ руку для поцѣлуя или для пожатія ея обѣими руками. Обычай этотъ, кажется, выражаетъ религіозную общность, потому что при встрѣчахъ съ европейцами онъ не примѣняется. Распространенъ онъ только въ Рушанѣ, включая область Бартанга, и въ Шугнанѣ,—можетъ-быть, еще къ югу и къ юговостоку,—но ни въ Дарвазѣ, ни у язгулемцевъ, гдѣ таджики исповѣдуютъ суннизмъ, я не наблюдалъ его.

Отъ Барчидива всего нѣсколько часовъ ѣзды до Кала-и-Нусуръ (*Nū-sūr*), расположеннаго при впаденіи р. Индваръ-Нусуръ въ Бартангъ. Дорога проходитъ по такой же гористой мѣстности, усѣянной набросанными въ хаотическомъ безпорядкѣ обломками скалъ, какъ и раньше. Но здѣсь воз-

можно все-таки передвиженіе верхомъ. Въ Барчидивѣ нѣтъ лошадей, и мы ѣхали на ослахъ.

Нусуръ (Nüsür) составляетъ какъ бы продолженіе или отдѣленіе Барчидива: 11 домовъ, изъ которыхъ состоитъ кишлакъ, принадлежать тѣмъ же семьямъ, которыя живутъ въ Барчидивѣ. Не имѣя возможности добыть необходимыя для существованія средства въ одномъ мѣстѣ, онѣ проводятъ полгода въ Барчидивѣ, полгода въ Нусурѣ, на лѣто же выгоняютъ стада въ яйлокъ Баузидъ, расположенный въ верховьяхъ рѣки того же имени.

Изъ Нусура нашъ путь лежалъ на Орошоръ, но мы рѣшили сдѣлать небольшой крюкъ и совершить экскурсію въ Ташъ-Курганъ (Ṭaṣṣāb) и Кара-Курганъ (Rūḫḫ), находящійся уже на р. Кударѣ.

На Бартангѣ есть только одинъ мостъ, близъ кишлака Сипонджъ, но, вслѣдствіе легкости и хрупкости сооруженія, онъ пригоденъ только для пѣшеходовъ; вьюкъ переносятъ носильщики, раздѣляя его на небольшія части; лошадей можно перевести только съ большимъ рискомъ. При устьѣ имѣется бродъ, но пользоваться имъ возможно только въ невысокую воду. Переправа повсемѣстно производится при помощи турсуковъ (гупсаровъ),— способъ, который былъ извѣстенъ еще ассирійцамъ и, кажется, не претерпѣлъ съ того времени никакихъ измѣненій. Турсукъ или гупсаръ—это цѣльная шкура козла, надуваемая воздухомъ черезъ одну изъ заднихъ ногъ, которая снабжена для этой цѣли деревяннымъ горлышкомъ, закрывающимся такой же пробкой (lamiḏz). Шкура снимается съ животнаго цѣликомъ; отрѣзываются только голова и копыта. Названія «турсукъ, гупсаръ» у туземцевъ не употребительны; говорятъ или по-таджикски—*sanāḥ* или на мѣстномъ нарѣчій—*zēpōs*¹; плотъ, составленный изъ нѣсколькихъ турсуковъ, называется *sāl*¹.

Переправляющійся раздѣвается до нага, оставляя только поясъ или обвязывая бедра какой-нибудь тряпкой, всю одежду, скатанную въ котомку, накидываетъ на плечи или прячетъ ее внутрь турсука, нѣсколько разъ смачиваетъ его снаружи водой, чтобы онъ пріобрѣлъ необходимую мягкость и не растрескался, надуваетъ его какъ можно туже, беретъ его между ногъ, ложась животомъ и придерживая лѣвой рукой, и бросается въ воду.

Для переправы выбирается такое мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ теченіе, ударяясь въ одинъ берегъ, наискось переносится къ противоположному. Вся трудность переправы заключается въ томъ, чтобы во-время всплыть и главное выплыть изъ теченія. Подхваченный теченіемъ, пловецъ несется со страшной быстротой внизъ и, отталкиваясь одновременно обѣими ногами и управляя правой рукой, перебирается изъ струи въ струю. Хотя рѣки, черезъ которыя переправляются описаннымъ образомъ, очень бурны и изобилуютъ подводными

¹ Переправа на турсукахъ описана, съ приложеніемъ рисунковъ, въ книгѣ гр. А. А. Бобринскаго «Горцы верховьевъ Пянджа», стр. 47, прим. Ред.

камнями и мелями, такъ что отъ пловца требуется большая опытность и ловкость, но все-таки главная опасность подобной переправы зависитъ не отъ природныхъ условій, а скорѣе отъ дурного качества турсуковъ. Они постоянно выпускаютъ воздухъ, иногда выскакиваютъ деревянные пробки, и приходится во время переправы надувать воздухъ, что всегда сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ. Пловецъ перехватываетъ кожаное горлышко гупсара немного пониже пробки, нагнувшись и подавшись нѣсколько впередъ, зубами вынимаетъ ее и надуваетъ воздухъ, не переставая работать ногами и правой рукой. Если въ это время волна или теченіе заставятъ его соскользнуть въ воду, только съ очень большимъ трудомъ удастся ему опять взобраться на турсукъ, при чемъ можетъ случиться, что изъ его открытаго горлышка выйдетъ слишкомъ много воздуха.

Для большей безопасности иногда берутъ съ собой два турсука; въ такомъ случаѣ плывутъ попеременно то на одномъ, то на другомъ.

Для перевозки груза, а также когда желательно плыть съ относительнымъ комфортомъ, устраиваютъ плотъ, соединяя отъ 8 до 10 турсуковъ при помощи легкой тальниковой рамы. Получается квадратъ около одной сажени, на которомъ можетъ помѣститься 2—3 человѣка или пудовъ 10 груза. По сторонамъ и сзади плывутъ на турсукахъ 3—4 человѣка, которые толкаютъ плотъ и управляютъ имъ.

Обоими описанными способами (на одиночныхъ турсукахъ и на плотѣ) совершаются не только переправы черезъ рѣку, но также цѣлыя путешествія внизъ по теченію, когда вслѣдствіе высокой воды совершенно невозможно пройти по тропинкѣ, идущей почти по самому берегу.

Во время нашего путешествія нами сдѣлано на турсукахъ около 100 верстъ.

Въ хорошую погоду плаваніе по очень высокой водѣ, если при этомъ турсуки не очень быстро выпускаютъ воздухъ, доставляетъ большое удовольствіе. Можно, набросавъ сверху на плотъ нѣсколько охапокъ сѣна, усесться на нихъ съ нѣкоторымъ удобствомъ и слѣдить за быстро мѣняющимися береговыми картинами. Не то въ дождливый холодный день, въ особенности, если рѣка не очень глубока и дуетъ рѣзкій вѣтеръ. Не обращая вниманія на холодъ, приходится одѣться какъ можно легче и снять съ себя сапоги, чтобы вода не могла задерживаться въ одеждѣ. О комфортѣ нечего и думать. Нужно крѣпко держаться руками за передній край рамы и лежать на плоту животомъ внизъ, не шевелясь и поднимая при этомъ ноги кверху, чтобы онѣ не волочились по водѣ. Набѣгающія волны то и дѣло окатываютъ путешественниковъ съ ногъ до головы; временами плотъ ныряетъ въ воду или, попавъ въ водоворотъ, поворачивается нѣсколько разъ, такъ что теряется всякое представленіе о направленіи. Отъ ударовъ волнъ турсуки очень быстро

выпускають воздухъ: то одинъ, то другой опускается, и приходится все время лежать въ водѣ. Отмели довольно часто прерываютъ путешествіе: нужно идти пѣшкомъ на другой конецъ отмели и перетащить туда же плотъ. Быстрое теченіе сбиваетъ съ ногъ, острые камни ранятъ и колютъ коченѣющія босыя ноги. Для непривычнаго человѣка путешествіе при такихъ условіяхъ становится иногда крайне тяжелымъ, а подчасъ прямо мучительнымъ.

Къ неудобствамъ переправы на турсукахъ нужно отнести ея крайнюю медленность. Въ кишлакѣ рѣдко удастся найти большое количество турсуковъ; едва-едва можно набрать на одинъ плотъ. Поэтому переправа производится въ нѣсколько приѣмовъ. Достигнувъ противоположнаго берега и разгрузивъ плотъ (sāl), перевозчики заносятъ его нерѣдко на значительное разстояніе вверхъ по рѣкѣ, выбираютъ удобное мѣсто для обратной переправы, приводятъ sāl въ порядокъ, что продѣлывается обязательно каждый разъ передъ отправленіемъ, и тогда только пускаются въ путь. Вся эта процедура требуетъ очень много времени.

Переправившись черезъ Бартангъ, мы самое короткое время провели въ Ташъ-Курганѣ и Кара-Курганѣ (Rūḫḥ)—два небольшихъ кишлака по 12 домовъ въ каждомъ—и черезъ два дня уже были въ Орошорѣ. Дорога не представляла большихъ трудностей. Вездѣ можно было проѣхать верхомъ. Въ одномъ только мѣстѣ, на полпути между Ташъ-Курганомъ и Кара-Курганомъ, глубокая трещина съ обрывистыми и крутыми стѣнами преградила намъ путь; на днѣ ея протекалъ ручей. Перебраться на другую сторону съ лошадьми было совершенно невозможно. Мы отпустили ихъ и продолжали путь пѣшкомъ. Спускъ и въ особенности подъемъ затруднялись чрезвычайно большимъ размѣромъ камней и обрывовъ, такъ что, держась за одинъ выступъ, только съ очень большимъ усиліемъ можно было схватиться за другой. Поднявшись на другой берегъ оврага, мы нашли тамъ лошадей, присланныхъ за нами изъ Кара-Кургана, и въ остальныхъ частяхъ дорога уже не представляла затрудненій.

Орошоръ—самый большой изъ видѣнныхъ нами кишлаковъ верхняго Бартанга, насчитывающій 37 домовъ, приблизительно съ 200 жителей—расположенъ на высокомъ берегу Бартанга въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки. Въ противоположность всѣмъ другимъ кишлакамъ онъ страдаетъ отъ недостатка не земли, а воды. Для посѣва хлѣба таджикъ нужно хоть немного земли и воды надъ нею. Если выполнены эти два условія, прочія—качество почвы, конфигурація мѣстности—уже не важны: таджикъ умѣетъ, путемъ поистинѣ удивительныхъ оросительныхъ сооружений, заста-

вить воду пройти такъ, какъ ему нужно, и оросить все обработанное пространство земли. Но въ ручьѣ, протекающемъ черезъ Орошоръ, воды недостаточно, и нѣсколько десятковъ десятинъ земли не могутъ быть использованы вполнѣ, — явленіе, исключительное на Памирѣ.

Въ Орошорѣ воздѣлываются только хлѣбныя растенія; фруктовые сады орошорцы расположили внизу, на самомъ берегу Бартанга, въ кишлакѣ Явшоръ (Yārshōrv), всѣ 25 домовъ котораго также принадлежатъ имъ. Живутъ орошорцы попеременно то у себя, то въ Явшорѣ, въ зависимости отъ времени года.

Во всѣхъ упоминавшихся кишлакахъ верхняго Бартанга сохранились еще остатки полуразвалившихся старинныхъ замковъ-крѣпостей (qalá). Замки эти сравнительно не такъ давно — всего лѣтъ двадцать назадъ — имѣли большое значеніе для населенія, спасавшагося въ нихъ отъ постоянныхъ набѣговъ киргизовъ и афганцевъ. Послѣ занятія края русскими войсками замки потеряли свой прежній оборонительный характеръ, и жители пользуются ими, какъ жилищами.

Въ Кара-Курганѣ отъ замка почти никакихъ слѣдовъ не сохранилось. Въ Нусурѣ qalá сильно пострадалъ отъ землетрясенія; значительно лучше сохранились крѣпости въ Ташъ-Курганѣ и Орошорѣ.

Расположены замки всегда на чрезвычайно выгодномъ, командующемъ надъ окрестностями мѣстѣ: въ Ташъ-Курганѣ — на возвышенномъ берегу рѣки, въ Орошорѣ — на горѣ, близъ ручья.

Стѣны выведены изъ камня, перемазаннаго съ глиной; между рядами камней для прочности сдѣланы прокладки изъ бревенъ и хвороста. По угламъ — круглыя или четырехугольныя сторожевыя башни (tur-xâná), кое-гдѣ — бойницы. Внутренность qalá составляютъ нѣсколько обычныхъ таджицкихъ саклей съ хозяйственными пристройками и помѣщеніями, расположенными иногда въ два этажа и вплотную примыкающими другъ къ другу. При нуждѣ, въ подобномъ замкѣ-убѣжищѣ могло размѣститься населеніе цѣлаго кишлака.

Внутри жилыхъ помѣщеній сохранились мѣстами, на деревянныхъ частяхъ постройки, очень интересныя рѣзные украшенія работы старыхъ мастеровъ.

Въ кишлакѣ Сипонджъ на нижнемъ Бартангѣ, кромѣ развалинъ разрушеннаго афганцами лѣтъ 16 назадъ замка, совершенно уже передѣланныхъ для хозяйственныхъ цѣлей, въ крутомъ обрывѣ горы, довольно высоко надъ селеніемъ, устроено еще убѣжище (törx), состоящее изъ 8 круглыхъ или квадратныхъ пещеръ, каждая размѣромъ 5—6 шаговъ въ діаметрѣ.

8*

Высота ихъ такая, что посрединѣ можно свободно стоять, не сгибаясь, по краямъ же можно только сидѣть. Всѣ пещеры вытянуты въ рядъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сообщаются другъ съ другомъ. Доступъ къ нимъ въ высшей степени затруднителенъ, и отбиваться въ нихъ можно было съ большимъ успѣхомъ, хотя, конечно, онѣ не представляли такихъ удобствъ, какъ qalá; существованіе подобнаго пещернаго убѣжища объясняется, кажется, невыгоднымъ положеніемъ мѣстнаго замка, построеннаго на сравнительно невысокомъ и ровномъ берегу рѣки.

Значительно лучше другихъ сохранившійся и лучше построенный замокъ въ Кала-и-Вамарѣ (Vamár) служилъ раньше резиденціей мѣстнаго бега, нынѣ же, вмѣстѣ съ окружающимъ его роскошнымъ садомъ, находится въ вѣдѣніи русской военной администраціи Памира.

Весь русскій Памиръ, т. е. южная часть Ошскаго уѣзда, и прилежащія области юговосточной Бухары, отъ афганской границы на югѣ и западѣ до р. Язгулемъ на сѣверѣ, выдѣлены изъ обще-туркестанскаго управленія въ особый административный округъ, находящійся въ вѣдѣніи Начальника Памирскаго отряда. Ему присвоены права начальника уѣзда, и, какъ таковой, онъ подчиняется непосредственно военному губернатору Ферганской области. Для удобства управленія обширный Памирскій округъ раздѣленъ на 4 района: районъ восточныхъ постовъ, состоящій изъ Памирской и Орошорской волостей, Хорогскій, образуемый Рушанской и Шугнанской волостями, Лянгарскій, который составляетъ Ваханскую волость, и Ишкашимскій. Во главѣ районовъ стоятъ офицеры Памирскаго отряда, имѣющіе, въ отношеніи туземнаго населенія, права и обязанности участковыхъ приставовъ. Ихъ ближайшими помощниками являются волостные управители или минъ-баши, которымъ, въ свою очередь, подчинены сельскіе старшины, или аксакалы, со своими помощниками—арбобами и судьями—казіями.

Всѣ эти должности—выборныя и почетныя; русской администраціи принадлежитъ право ихъ утвержденія и смѣщенія, съ назначеніемъ въ такихъ случаяхъ новыхъ выборовъ, хотя очень часты случаи замѣщенія этихъ должностей непосредственнымъ назначеніемъ, помимо выборовъ.

Кромѣ этихъ властей, находящихся въ прямой зависимости отъ русской администраціи, эмиромъ Бухарскимъ назначается еще для западнаго Памира (Хорогскій, Лянгарскій и Ишкашимскій районы) особый бегъ, но должность эта—исключительно номинальная, и никакого вліянія на дѣла онъ не имѣетъ. Фактически вся власть сосредоточена въ рукахъ русской военной администраціи, и—надо отдать ей должное—представители ея на Памирѣ за не-большое сравнительно время успѣли многое сдѣлать для края. Населеніе не-

платить никаких податей и денежных налогов; всё его повинности сводятся лишь к разработкѣ и исправленію дорогъ и к доставленію перевозочныхъ и продовольственныхъ средствъ. Только дорожная повинность можетъ считаться тяжелымъ бременемъ для населенія. Что же касается поставки лошадей и предметовъ продовольствія, то за всё поставляемые продукты и выполняемыя работы должно уплачиваться вознагражденіе по довольно высокой таксѣ, о которой можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

рабочій въ сутки.....	отъ	—	р. 80 к.	до	1 р. 20 к.
лошадь » »	»	1 »	— »	»	1 » 50 »
баранъ мѣстный	»	1 »	50 »	»	7 » — »
яйца 100 штукъ		2 »	— »		
сѣно или солома 1 пудъ		1 »	— »		

и т. д.

Переобремененное всякими законными и незаконными поборами, населеніе сосѣднихъ областей, какъ принадлежащихъ Афганистану, такъ и находящихся въ бухарскомъ управленіи, и мечтать не смѣетъ о подобномъ режимѣ. Русскіе порядки для бухарскихъ и афганскихъ таджиковъ кажутся совершенно невѣроятными.

Сынъ кала-и-хумбскаго бега, намѣревавшійся сдѣлать визитъ Начальнику Памирскаго отряда, разспрашивалъ насъ объ условіяхъ путешествія и не сразу и съ большимъ трудомъ повѣрилъ, что, по русскимъ законамъ, надо платить за всё забираемые продукты и за лошадей. Но такъ и не удалось убѣдить этого молодого администратора, что Начальникъ отряда тоже платитъ деньги. Ему казалось, что мы смѣемъ надъ нимъ.

Долины Бартанга и примыкающей части Пянджа, являвшіяся предметомъ нашихъ наблюденій, составляютъ Рушанскую волость Хорогскаго района и Орошорскую района восточныхъ постовъ.

Вотъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, относящіяся къ 1908 г., но остающіяся, поскольку мнѣ приходилось провѣрять ихъ, въ общемъ недалеко отъ истины и для настоящаго времени.

	К о л и ч е с т в о :			
	кв. верстъ	домовъ	жителей	лошадей
Орошорская волость	411	137	1.033	65
Рушанская »	3.303	739	6.537	396

Въ Орошорѣ мы провели 5 дней; за это время наши, бывшія съ самаго начала дружественными, отношенія съ таджиками упрочились и укрѣпились

настолько, что мы приобрели значительную популярность и сдѣлались ихъ желанными гостями, что не мѣшало, впрочемъ, нашимъ скрытнымъ хозяевамъ тщательно избѣгать всякихъ разговоровъ на нѣкоторые щекотливыя темы.

Одинъ случай въ особенности сблизилъ насъ съ населеніемъ.

Мы взяли съ собой изъ Самарканда, въ качествѣ переводчика и джигита, нѣкоего Абдуль-Гамида, не то сарта, не то таджика, — человѣка, отлично говорившаго по-сартски и по-таджикски и порядочно по-русски. Много путешествовавшій, онъ обладалъ всѣми достоинствами и недостатками своего ремесла. Какъ только мы попали къ таджикамъ, онъ сталъ недоволенъ нашимъ недопустимо-фамиллярнымъ, по его мнѣнію, отношеніемъ къ туземцамъ. Привыкнувъ во время прежнихъ своихъ поѣздокъ считать себя «начальствомъ», онъ совершенно не умѣлъ или не хотѣлъ ладить съ населеніемъ, которое онъ къ тому же искренно презиралъ за еретическіе взгляды: самъ онъ былъ ревностный суннитъ.

Уже въ Барчидивѣ мы сдѣлали ему предостереженіе и взяли ему въ помощники молодого двадцатилѣтняго рушанца, по имени Джалоль, показавшагося намъ достаточно способнымъ. Будучи своимъ человѣкомъ для населенія, — онъ былъ племянникомъ аксакала Кабуля, популярнаго по всему Рушану и Шугнану, — Джалоль много содѣйствовалъ поддержанію нашихъ тѣсныхъ и близкихъ отношеній съ таджиками.

Въ Орошорѣ новая выходка нашего профессиональнаго переводчика заставила насъ отпустить его немедленно. Возникло несогласіе между нами и имъ въ опредѣленіи размѣра причитающагося ему вознагражденія. Желая избѣгнуть всякаго скандала, весьма непріятнаго для насъ по тому впечатлѣнію, которое онъ могъ оказать на жителей, мы отдали нашъ споръ на разрѣшеніе туземнаго судьи, пользовавшагося большимъ уваженіемъ. Говоря точнѣе, онъ уже не былъ судьей, такъ какъ за какой-то административный проступокъ онъ былъ смѣщенъ со своей должности, но его замѣститель былъ въ отлучкѣ, и отставному казію пришлось вновь выполнить свои судейскія обязанности.

Онъ разрѣшилъ нашъ споръ съ соломоновой мудростью, постаравшись удовлетворить обѣ стороны. Но для насъ не былъ важенъ исходъ процесса: открытое признаніе съ нашей стороны авторитета туземнаго судьи, немедленное, въ присутствіи всѣхъ собравшихся, выполненіе его рѣшенія сдѣлало насъ отнынѣ друзьями населенія (*dūsti musulmān*, какъ говорили таджики).

Съ этого времени ихъ жилища были для насъ всегда открыты, всегда мы встрѣчали въ нихъ радушный пріемъ и сильное угощеніе, они обращались къ намъ за совѣтами, женщины просили лѣкарствъ для дѣтей; довѣріе было полное, откровенность увеличилась, или, вѣрнѣе, замкнутость уменьшилась.

Нашъ новый слуга, Джалоль, ни за что не соглашался сопровождать насъ дальше Кала-и-Вамара, и мы взяли еще нѣкоего Абдуль-Назара, довольно состоятельнаго шугнанца; по особымъ обстоятельствамъ своей жизни онъ долженъ былъ покинуть родину и скитался по дебрямъ Памира. Этотъ человѣкъ, знавшій все и всѣхъ не только на Памирѣ, но и въ Китайскомъ Туркестанѣ, оказалъ намъ рядъ чрезвычайно важныхъ услугъ; къ сожалѣнію, въ Хорогѣ, по тѣмъ же «независящимъ» обстоятельствамъ, мы должны были разстаться съ нимъ. Онъ самъ указалъ себѣ замѣстителя, тоже шугнанца, по имени Саидъ-Шофозыля, который сопровождалъ насъ до самаго Ташкента.

Саидъ всецѣло оправдалъ рекомендацію своего предшественника. Маленькаго роста, всегда корректно застегнутый на всѣ пуговицы своего чернаго сюртука, съ тихимъ голосомъ и желтымъ лицомъ, что дѣлало его немного похожимъ на японца, — онъ былъ неустойчивъ и не терялся ни при какихъ обстоятельствахъ. Много путешествовалъ раньше по всей Средней Азіи; въ качествѣ странствующаго торговца, онъ зналъ, казалось, всѣ языки и нарѣчія: со всякимъ онъ говорилъ на его родномъ языкѣ.

Я позволилъ себѣ, быть можетъ, слишкомъ долго остановиться на разсказѣ о нашихъ слугахъ, но это сдѣлано мною намѣренно. Для всякаго путешественника, и для этнографа въ особенности, подысканіе надлежащаго низшаго персонала — слугъ и переводчиковъ — чрезвычайно важный и трудный вопросъ. Отъ правильнаго его разрѣшенія очень часто можетъ зависѣть успѣхъ предпріятія.

Съ самаго начала, мнѣ кажется, слѣдуетъ оставить всякія надежды подыскать подходящаго переводчика изъ профессионаловъ. Эти люди могутъ принести только вредъ. Въ лучшемъ случаѣ они будутъ бесполезны, такъ какъ горныхъ нарѣчій они все равно не знаютъ, а по-таджицки говорятъ почти всѣ горцы. Такіе переводчики необходимы только для тѣхъ путешественниковъ, которые не знаютъ и таджицкаго языка; но для этнографа, изслѣдующаго памирскихъ горцевъ, нѣкоторое знакомство съ этимъ языкомъ совершенно необходимо. Безъ знанія языка изслѣдователь будетъ весь во власти невѣжественныхъ переводчиковъ.

Самое лучшее — это брать себѣ слугъ и помощниковъ изъ среды мѣстнаго населенія. Они являются въ такомъ случаѣ связующимъ звеномъ между путешественникомъ и туземцами, которые, видя его постоянно окруженнымъ своими, будутъ относиться къ нему и къ его работамъ съ большимъ довѣріемъ. Найти среди туземцевъ подходящаго человѣка вовсе не трудно, если не требовать знанія русскаго языка.

Жилища горцевъ Бартанга, измѣняясь въ зависимости отъ жилищности хозяевъ и отчасти отъ различныхъ климатическихъ условій, въ общемъ представляютъ одинъ типъ, встрѣчающійся повсемѣстно: какъ въ Ирхтѣ, такъ и въ Кала-и-Вамарѣ.

Главная и существенная часть постройки, въ которой проводитъ большую часть времени семья таджика, есть *čöd*, — почти квадратное помѣщеніе отъ 8 до 12 арш. въ поперечникѣ и 4—5 арш. высоты; къ нему примыкаетъ или можетъ примыкать цѣлый рядъ другихъ хозяйственныхъ и жилыхъ пристроекъ и надстроекъ, но наличность ихъ необязательна. Стѣны выведены изъ камня съ глиной; для прочности между рядами камней прокладываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ жерди или хворостъ. Съ обѣихъ сторонъ стѣны обмазываются глиной (изнутри тщательнѣе, чѣмъ снаружи). Полъ — земляной; онъ часто бываетъ ниже уровня земли. Оконъ нѣтъ. Единственное отверстіе въ стѣнахъ — это входная дверь, укрѣпленная не на петляхъ, а на круглыхъ деревянныхъ шипахъ, врѣзанныхъ въ порогъ и притолоку съ лѣвой стороны отъ входа. Дверной ручкой служитъ большой деревянный гвоздь. Справа отъ двери — четырехугольный вырѣзь, достаточный, чтобы просунуть туда руку и задвинуть или выдвинуть засовъ, изнутри запирающій дверь. Крыши — плоскія, по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ стѣнъ: тотъ же камень, перемѣшанный съ глиной. Передній край крыши иногда немного выдается надъ стѣной, образуя небольшой навѣсъ. Въ зависимости отъ времени года на крышахъ можно видѣть положенные для просушки снопы сѣна или абрикосы. Тутъ же находится деревянная крышка, закрывающая дымовое отверстіе (*gūzm*), которое служитъ также и для освѣщенія дома.

Вдоль стѣнъ главнаго помѣщенія (*čöd*) тянутся нары (*nõx*) шириной приблизительно около сажени; онѣ сдѣланы изъ плотно убитой глины и возвышаются надъ поломъ приблизительно на $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ аршина. Посрединѣ остается свободное пространство шаговъ 5 въ поперечникѣ. Вся же платформа, окаймляющая комнату, разбита на отдѣльныя части поперечными перегородками. Въ средней части боковыхъ наръ помѣщается сложенный изъ камня очагъ, имя котораго (*гадѣн*) носить все отдѣленіе. Наиболѣе удаленный отъ входа уголъ тѣхъ же наръ называется *gézák'*; зимой онъ служитъ излюбленнымъ мѣстомъ для сна, лѣтомъ не имѣетъ опредѣленнаго назначенія. Соответственный уголъ противоположныхъ наръ — нѣсколько меньшихъ размѣровъ — носить имя *sirác'*; обыкновенно здѣсь ютятся дѣти; зимой, въ случаѣ большихъ холодовъ, сюда помѣщаютъ и ягнятъ. Остальныя нары не имѣютъ особаго названія, а называются родовымъ именемъ *nõx*. Здѣсь-то по преимуществу сосредоточивается жизнь семьи таджика. Здѣсь работаютъ, спятъ, ѣдятъ.

У самого входа, направо и налево отъ него, отгорожены два помѣщенія, въ два этажа каждое. Нижняя ихъ часть, называемая *varg'úxt*, служитъ для мелкаго скота. Въ верхнемъ помѣщеніи лѣвой стороны хранятъ провизію, молочные продукты, кушанья и пр.; это — родъ кладовки, *хапóх*; справа лежитъ необходимый запасъ сѣна и соломы; это — *dišédák'*.

По угламъ остающагося въ серединѣ дома свободнаго помѣщенія врыты въ плотно убитый глиняный полъ четыре столба, на которыхъ покоится потолокъ.

На четырехъ столбахъ непосредственно покоятся двѣ крайнія балки; на нихъ уложены двѣ крайнія поперечныя, на которыхъ находятся двѣ среднія продольныя балки. Сверху на среднія продольныя балки наложенъ квадратный деревянный срубъ, на немъ другой, затѣмъ третій и иногда еще четвертый; эти срубы уложены другъ на друга такъ, что углы верхняго, меньшаго по размѣрамъ, сруба кладутся на края нижняго; слѣдующій, еще меньшій срубъ своими углами накладывается опять на края подъ нимъ лежащаго и т. д. Получающіяся при этомъ пустоты въ углахъ забираются досками. Въ центрѣ же остается квадратное отверстіе аршина $1\frac{1}{2}$ въ поперечникѣ, служащее одновременно и для выхода дыма и для освѣщенія комнаты; это отверстіе на ночь и въ случаѣ холода закрывается сверху деревянной крышкой.

По обѣимъ сторонамъ отъ дымового отверстія на продольныя балки уложенъ настилъ изъ толстыхъ перекладинъ, лежащихъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Пространство между ними забрано жердями, на которыхъ уже покоится устроенная изъ хвороста, глины и камней крыша.

Внутреннее устройство незатѣйливо. Конечно, какая бы то ни была мебель отсутствуетъ; сравнительно мало даже разной утвари и предметовъ домашняго обихода. Средній Бартангъ и его устье, не говоря уже о Пянджѣ, гораздо зажиточнѣе.

Нары покрыты сплетенными изъ камыша циновками, привозимыми изъ Бухары; иногда, кромѣ циновокъ, можно видѣть еще полосатые ковры (*palás*) мѣстной работы, сдѣланные изъ козьей и кутасьей шерсти. Въ рѣдкой семьѣ попадаетъ еще большое одѣяло, называемое *jal* въ Сипонджѣ и *laif* въ Барчидивѣ; оно дѣлается изъ обыкновеннаго войлока, обшиваемаго съ обѣихъ сторонъ туземною шерстяною матеріею. Подобное одѣяло носить характеръ фамильной драгоценности, и имъ пользуются всѣ члены семейства. Бѣлье и прочія постельныя принадлежности не въ употребленіи: онѣ замѣняются халатами и другими частями одежды.

На очагѣ находится вмазанный въ его стѣнки или поставленный на таганъ большой желѣзный котелъ, привозимый изъ Ферганы или Бухары. Посуда чаще всего состоитъ изъ деревянныхъ круглыхъ чашекъ или тарелъ.

локъ различной величины, носящихъ въ верховьяхъ Бартанга названіе таурдаѣ, а въ Рушанѣ—пуѹлмѹ. Выдѣлываются онѣ при помощи водяного токарнаго станка и, сохраняя одинъ и тотъ же типъ, различаются по своей глубинѣ и величинѣ, бывая то очень глубокими и большими мисками, то маленькими чашками для питья, или, наконецъ, плоскими тарелками. Кромѣ пуѹлмѹ, очень распространены еще высокія деревянныя долбленныя кружки (тапѹк') со вставнымъ дномъ. Онѣ употребляются чаще для храненія муки, крупы и проч. Для питья служатъ, главнымъ образомъ, обыкновенныя фарфоровыя піолы (чашки безъ ручекъ) русскаго или китайскаго производства, встрѣчаемыя повсемѣстно въ Туркестанѣ. У горцевъ, впрочемъ, онѣ попадаются не во всякомъ домѣ и употребляются для самыхъ различныхъ надобностей; специальной же посуды для питья не существуетъ.

Гончарный станокъ неизвѣстенъ таджику, — вся глиняная посуда состоитъ поэтому изъ маленькихъ глиняныхъ горшечковъ или чайничковъ (бѣг'), въ которыхъ чаще всего хранится масло.

Ножъ—всякій имѣетъ при себѣ; въ хозяйствѣ употребляется еще для разрѣзанія тѣста большой ножъ съ тупымъ, слегка загнутымъ концомъ, называемый по среднему Бартангу хѹлкѣ, въ верховьяхъ и низовьяхъ рѣки—хѹселѹ.

Большая круглая разливная ложка (камѣс') съ изогнутой ручкой и нѣсколько ложекъ для ѣды (ѣб') дополняютъ кухонную и столовую посуду таджицкой хозяйки. Ложки для ѣды—такой же ладьеобразной формы, какъ и европейскія, съ той только разницей, что прикрѣпляются онѣ къ ручкѣ не тупымъ концомъ, какъ у насъ, а бокомъ, такъ что во время ѣды въ ротъ берется острый конецъ.

Гдѣ-нибудь въ углу на нарахъ можно увидѣть sanduq—деревянную, орнаментированную рѣзбой и красками шкатулку съ выдвигающейся крышкой—или ѣоҳдѹп—круглую коробку, такъ же богато украшенную рѣзбой. Вещи эти работаютъ какимъ-нибудь мастеромъ-специалистомъ (ustá), въ нихъ хранятъ семейныя цѣнности.

По среднему Бартангу женщины плетутъ изъ пшеничной соломы ѣмадѹп—небольшія коробочки, въ которыхъ онѣ держатъ свои рукодѣльные принадлежности. Распространеннѣе чѣмъ эти ѣмадѹп, такъ называемые söpt (söpták')—очень искусной работы круглыя коробки, сплетенныя изъ тонко наструганныхъ еловыхъ брусиковъ; онѣ украшаются какимъ-нибудь простымъ геометрическимъ орнаментомъ, и иногда имъ придають форму двухъ конусовъ, соединенныхъ вершинами. Употребляются онѣ для храненія самыхъ различныхъ вещей.

Если хозяинъ дома охотникъ, то на стѣнѣ виситъ большое и тяжелое бухарское ружье (móltiq—по верхнему Бартангу, сѹп—въ низовьяхъ) съ

развилинами для удобства стрѣльбы съ земли. Гдѣ-нибудь возлѣ, на нарахъ, брошенъ охотничій поясъ (k'amarbánd) со всѣми принадлежностями — по большей части, самодѣльной работы, уздечка (laǰám) — чаще всего бадахшанской работы, киргизская нагайка (qamčé). Попадаютъ еще мѣстами уздечки и нагайки своей работы.

На нарахъ противъ входа располагается во время работы ткачъ со своимъ станкомъ (xápá — въ Орошорѣ, wixúǰ — въ Рушанѣ); направо отъ входа женщины сидятъ за прялкой (sirx, sirxák') или вяжутъ толстые шерстяные чулки (jiráb).

Для вечерняго освѣщенія горцы употребляютъ особыя свѣчи (čegáǰ), которыя готовятъ изъ сѣмянъ специально для этой цѣли разводимаго рапса (čegáǰwǰ). Ихъ растираютъ камнемъ въ жидкое тѣсто, обкатываютъ имъ прутики ивы и даютъ обсохнуть. Полученныя такимъ образомъ свѣчи втыкаютъ въ подсвѣчникъ, вбитый въ столбъ и имѣющій форму большого расплющенного гвоздя съ двумя петлями по бокамъ (въ родѣ буквы «Ф»). Очень часто подсвѣчникъ вбивается не прямо въ столбъ, а въ верхнюю утолщенную часть большой деревянной балясины, украшенной богатой рѣзбой (čegáǰdán). Рѣже встрѣчаются каменные свѣтильники ладьеобразной формы съ двумя отдѣленіями: въ одно изъ нихъ наливается масло, въ другомъ плаваетъ фитиль.

Деревянные части жилища почти всегда покрыты рѣзбой. Въ особенности часто рѣзба встрѣчается на перекладинахъ при входѣ и на перилахъ у наръ. Орнаментированныя двери я видѣлъ только въ Кала-и-Вамарѣ.

Въ сосѣднихъ съ Рушаномъ областяхъ рѣзба по дереву распространена, повидимому, не менѣе: въ Кала-и-Хумбѣ (въ Дарвазѣ) и въ Поршнивѣ (въ Шугнанѣ) я видѣлъ образцы замѣчательной рѣзбы. Но эти области уже выходятъ за предѣлы моей работы.

На столбахъ внутри дома часто можно найти довольно грубо вырѣзанные изображенія кінка и другіе незатѣйливые рисунки, чаще всего представляющіе кругъ или четырехугольникъ съ крестомъ внутри. Иногда внутри четырехугольника помѣщены два пересѣкающихся креста; въ образуемыхъ ими треугольникахъ выдавлены точки или небольшіе круги. Случалось видѣть цѣлый рядъ грубо выдавленныхъ или вырѣзанныхъ круговъ, идущихъ по столбу сверху внизъ.

Одинъ изъ жителей Ирхта нарисовалъ, по моей просьбѣ, всѣ рисунки, украшавшіе столбы его дома. Аксакаль Кабуль, вмѣстѣ съ изображеніемъ потолка, нарисовалъ всѣ рисунки, которые, по его словамъ, встрѣчаются на столбахъ. Мнѣ не пришлось, впрочемъ, найти изображенія всѣхъ нарисованныхъ имъ животныхъ, — повсюду я встрѣчалъ только кінковъ.

Непосредственно къ жилищу пристраиваются прочія, необходимыя въ быту горца, строенія: одно или чаще нѣсколько помѣщеній для скота, сарай для сѣна (*wuxtán*), амбары для хлѣба, — хотя ихъ предпочитаютъ ставить отдѣльно отъ дома, — кладовки и сарай для сельскохозяйственныхъ орудій. Гдѣ-нибудь возлѣ дома на трехъ небольшихъ камняхъ помѣщается плоскій жерновъ (*xadōrǰǰir*), употребляемый для мытья бѣлья.

Начиная отъ Орошора, внизъ по рѣкѣ, гдѣ климатъ уже не такъ суровъ, очень часто дома строятся съ открытыми мезонинами (*balandalíz*) и террасами (*pasdalíz*). Въ нихъ переселяется семья таджика, чтобы спастись отъ

Рис. 2. Часть стѣнной росписи.

лѣтнихъ жаровъ. Эти лѣтнія помѣщенія строятся такъ же изъ глины и камня, какъ и зимніе дома, только отличаются отъ нихъ большей легкостью. Одна изъ стѣнъ обыкновенно открытая, въ другой дѣлается еще нѣсколько маленькихъ или одно большое окно; кромѣ того, бываетъ еще дверь. Въ верхнее помѣщеніе ведетъ обыкновенная приставная лѣстница. Въ стѣнахъ вырѣзаны небольшія ниши, замѣняющія шкапики. Въ богатыхъ домахъ внутреннія стѣны лѣтнихъ помѣщеній расписаны красною краской. Довольно грубые рисунки или изображаютъ всадниковъ въ разныхъ положеніяхъ или представляютъ прихотливый переплетающійся узоръ широкихъ, небрежно исполненныхъ линій, круговъ и треугольниковъ. Бѣдные семейства, не имѣющія специальныхъ лѣтнихъ помѣщеній, устраиваютъ въ

жаркую пору помостъ на вѣтвяхъ деревьевъ, поддерживаемыхъ вбитыми въ землю кольями; по бокамъ изъ жердей и прутьевъ возводятъ легкія стѣны и сверху покрываютъ все сооруженіе такой же крышей. Получается какъ бы шалашъ въ воздухѣ, куда семья таджика и переѣзжаетъ на дачу. Иногда для той же цѣли выносятся въ садъ большая деревянная кровать-помостъ, хранящаяся въ остальное время безъ всякаго употребленія гдѣ-нибудь въ сараѣ; на ней свободно можетъ помѣститься человѣка четыре.

Тамъ, гдѣ у таджика сравнительно много пахатной и луговой земли и поля расположены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кишлака (какъ, напри-

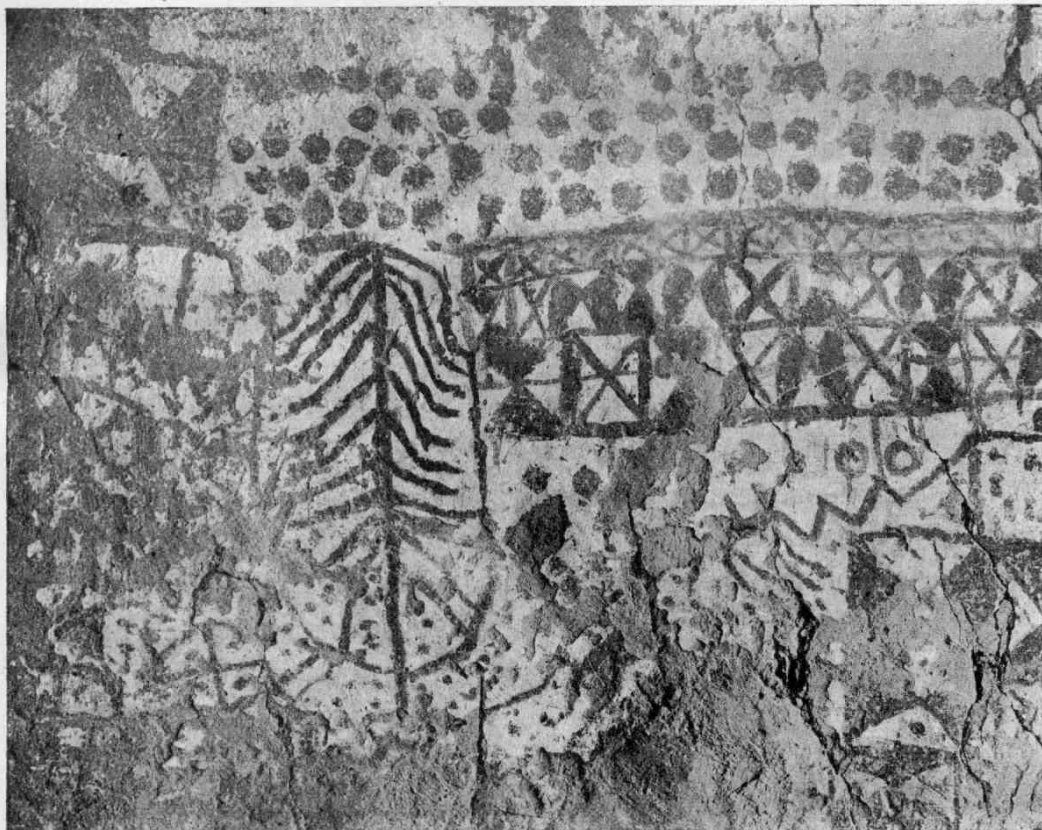

Рис. 3. Часть стѣнной росписи.

мѣръ, въ Орошорѣ), среди нихъ ставятся *wixtân* — довольно грубой постройки сараи безъ крыши и съ очень маленькимъ входнымъ отверстіемъ, въ которое можно пролѣзть только согнувшись. Въ нихъ женщины готовятъ пищу, хранятъ припасы, сюда складывается сѣно и необмолоченный хлѣбъ; здѣсь же ночуютъ во время полевыхъ работъ.

Послѣ смерти домохозяина домъ переходитъ къ младшему брату. Старшіе братья получаютъ соотвѣтственно большую часть изъ прочаго имущества. Если братья раздѣлились, старшій принимается за постройку новаго

жилища. Но не всякій можетъ выполнить такую сложную и важную работу: ее необходимо поручить строительному мастеру-специалисту (*ustá*).

Подобныхъ *ustá* не такъ много на Памирѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются большою извѣстностью, выходящею далеко за предѣлы ихъ округа, и большинство построекъ на Бартангѣ выполнено именно этими извѣстными мастерами.

Вообще, раздѣленіе труда такъ сильно развито, что почти для всякой отрасли ремесленныхъ работъ имѣется свой мастеръ-специалистъ. Всѣ эти мастера пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ со стороны населенія.

Особенно почитается кузнечное искусство. Преданіе рассказываетъ, что когда люди еще не умѣли ковать желѣзо, одинъ благочестивый человѣкъ услышалъ во снѣ голосъ, приказывавшій ему идти въ Мазаръ-и-шерифъ и найти въ указанномъ мѣстѣ упавшую съ неба золотую наковальню (*sandán*), молотъ (*хауásk*) и щипцы (*umbúr*). Этотъ человѣкъ и былъ первымъ кузнецомъ, научившимъ своему искусству другихъ.

Кузницы чаще всего располагаются на открытомъ воздухѣ, и орудія ремесла почитаются почти такъ же, какъ мазары или священные камни. Въ селеніи Баситъ кузница находится у самой дороги, почти на краю кишлака, и всякій вновь прибывшій считаетъ своимъ долгомъ, благочестиво коснувшись рукой большого кузнечнаго камня (*pulk'sáng*), поднести ее къ губамъ и лбу. Кузнецу помогаетъ въ его работѣ подмастерье (*ustád xurdák'*), который можетъ начать самостоятельно работать только съ разрѣшенія мастера и послѣ поднесенія ему установленныхъ подарковъ. Очень часто званіе кузнеца становится наслѣдственнымъ. Почти всегда кузнецъ выполняетъ работы по заказу, но нѣкоторые предметы, пользующіеся постояннымъ спросомъ, какъ ножи, серпы (*zír* — въ Рушанѣ, *ǵás* — на верхнемъ Бартангѣ) онъ заготавливаетъ про запасъ.

Менѣе почетное и въ экономическомъ отношеніи значительно худшее положеніе занимаютъ ткачи и токаря. Они работаютъ на матеріалѣ заказчика; ткачъ иногда даже не имѣетъ собственнаго станка.

Плата за трудъ довольно низкая: ткачъ получаетъ за изготовленіе куска сукна для *g'alím*-а (халата) 2 *tâqé* (тюбетейки, ермолки) пшеницы. Токарь, выдѣлывающій *пуçulmáu*, въ чемъ почти исключительно состоитъ его работа, за выдѣлку 10 *пуçulmáu* изъ матеріала заказчика получаетъ одну изъ нихъ въ свою пользу.

Предметъ особой специальности составляетъ изготовленіе роговыхъ и деревянныхъ гребней: мужскихъ — *bōnwěxǵǵ* и женскихъ — *k'alwěxǵǵ*) — иногда очень разукрашенныхъ.

Въ большихъ кишлакахъ есть даже особые точильщики, которымъ

отдаютъ точить ножи, серпы, топоры и пр., сколько бы ни понадобилось, за что каждая семья платитъ 1—2 *tâqé* пшеницы ежегодно.

На свои инструменты и издѣлія мастеръ иногда ставитъ свое клеймо (*nišâni-ustâ*).

Тѣмъ же именемъ *ustâ* называется какой-нибудь человѣкъ, производящій операцію обрѣзанія. Въ присутствіи всѣхъ родныхъ ребенка онъ произноситъ молитву и при помощи расщепленной палочки, въ которую зажимается крайняя плотъ, и бритвы, совершаетъ операцію. За ея выполненіе онъ получаетъ различно: отъ бѣдныхъ 2—3 *tâqé* пшеницы, отъ богатыхъ нѣсколько рублей.

Рис. 4. Кузница въ Баситѣ.

Не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ перечисленные *ustâ*, пользуются среди горцевъ люди образованные (*mullâ*). Въ каждомъ кишлакѣ можно найти одного или двухъ грамотныхъ; въ кишлакѣ Имцъ, насчитывающемъ 30 домовъ, ихъ даже шестеро. Конечно, грамотность ихъ ограничивается персидскимъ (таджицкимъ) языкомъ. Несмотря на присутствіе въ краѣ русскихъ гарнизоновъ, на всемъ Рушанѣ нѣтъ ни одного человѣка, который умѣлъ бы читать или писать по-русски; знаніе разговорнаго русскаго языка болѣе распространено, но большинство «понимающихъ» по-русски твердо знаютъ только два слова: «баранъ» и «давай».

Рѣдко можно найти у *mullâ* книги или рукописи, но почти у каждого

всегда съ собой qalamdân—родъ пенала съ каменной чернильницей и нѣсколькими камышевыми перьями; qalamdân тщательно окутывается чехломъ (ragwîn), нерѣдко вышитымъ разноцвѣтнымъ шелкомъ.

Бумагу иногда приходится замѣнять тонкимъ листомъ бересты (bêgûj), изъ которой приготовляются и чернила; для этого бересту жгутъ подъ большимъ котломъ, находящимся надъ очагомъ; полученная сажа соскребается, распускается въ водѣ и вполне можетъ замѣнить чернила.

Изъ Орошора мы направились къ довольно большому кишлаку Баситъ (31 домъ), гдѣ предполагали провести нѣсколько дней. По дорогѣ мы переночевали въ кишлакѣ Bardût (на 10-верстной картѣ—Бадуртъ) и сдѣлали небольшую остановку въ кишлакѣ Чадутъ (Ĉadût), насчитывающемъ 9 домовъ и не представляющемъ значительнаго интереса.

Что касается до Бардута, то его можно называть кишлакомъ только съ большой натяжкой: въ немъ только одинъ домъ, окруженный фруктовыми (абрикосовыми) садами, принадлежащими жителямъ кишлака Бар-дара, который находится на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Въ противоположность орошорцамъ, которые, имѣя у себя поля, а въ Явпорѣ сады, живутъ попеременно въ обоихъ мѣстахъ,—жители Бар-дары (11 семействъ) вовсе не живутъ въ Бардутѣ, а только приходятъ туда для сбора плодовъ.

Изъ Орошора мы выѣхали верхомъ, но уже черезъ нѣсколько верстъ мы должны были отпустить лошадей и продолжать нашъ путь пѣшкомъ. Верховое передвиженіе невозможно вплоть до самаго Пянджа; только при выѣздѣ изъ Сипонджа дорога позволила намъ въ послѣдній разъ, и то съ большими трудностями, сдѣлать нѣсколько верстъ на лошадяхъ. Но и пѣшеходная тропинка не идетъ непрерывно по Бартангу: мѣстами путь преграждается совершенно, и въ такихъ мѣстахъ нужно прибѣгать къ турсукамъ. И рѣдкіе путешественники и туземцы единодушно утверждаютъ, что труднѣе и непроходимѣе долины, чѣмъ долина Бартанга, не существуетъ; туземцы, впрочемъ, благоразумно прибавляютъ, что путь по Язгулему таковъ же.

Дѣйствительно, лучшіе участки пути представляютъ собой естественный карнизъ, шириной не превосходящій аршина или трехъ четвертей; съ одной стороны его—отвѣсная или почти отвѣсная стѣна, съ другой—крутой обрывъ, на днѣ котораго, на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень, бушуетъ Бартангъ. Тамъ, гдѣ карнизъ, служащій дорогой, подымается или опускается, въ мѣстахъ подъема и спуска выбиты ступеньки.

Главное преимущество и достоинство естественныхъ карнизовъ—это твердое полотно дороги. Но мѣстами струя воды, текущей сверху, застаивается на карнизѣ и дѣлаетъ путь скользкимъ и рискованнымъ. Путь по

осыпаясь и обвалами значительно хуже: или масса мелких камней сыплется изъ-подъ ногъ и увлекаетъ за собой путника, или приходится лавировать между крупными обрушившимися камнями и скалами, обходя ихъ, пробираясь въ узкихъ проходахъ между ними и перепрыгивая съ одного на другой. Мѣстами дорога просто-напросто спускается въ воду, и нѣсколько десятковъ саженой нужно пройти по поясъ въ водѣ, придерживаясь рукой за скалистый берегъ.

Но есть мѣста, гдѣ естественныя трудности такъ велики, что, несмотря на всѣ старанія, туземцы не въ состояніи преодолѣть ихъ; тутъ таджикъ прибѣгаетъ къ искусственнымъ сооруженіямъ: карнизамъ и балконамъ. Въ какую-нибудь расщелину скалы вбивается нѣсколько колышковъ; они переплетаются прутьями и вѣтвями, сверху накладывается нѣсколько мелкихъ камней, въ перемежку съ землей и хворостомъ, все сооруженіе покрывается тонкими каменными плитами — и дорога готова. Балконы устраиваются нѣсколько иначе. Къ выступамъ скалы или къ колыамъ, вбитымъ въ расщелины, привязывается рядъ довольно длинныхъ петель, иногда веревочныхъ, но въ большинствѣ случаевъ сплетенныхъ изъ вѣтвей и прутьевъ. Къ этимъ петлямъ подвѣшивается жердь или двѣ, въ зависимости отъ величины; это и есть дорога. Подобное сооруженіе, разумѣется, не можетъ отличаться ни прочностью, ни устойчивостью.

Такъ называемые «оврынги» даже нельзя назвать дорогой; оврынги — это соединеніе въ одномъ мѣстѣ всѣхъ трудностей и опасностей пути, встречаемыхъ обыкновенно порознь. Они отличаются другъ отъ друга только различными сочетаніями и степенью этихъ трудностей. Приближающемуся къ оврынку кажется, что дальше идти нѣтъ никакой возможности. Но послѣ внимательнаго осмотра онъ находитъ впереди какой-нибудь выступъ, на который можно перешагнуть, хотя съ большимъ трудомъ; дальше виденъ какой-нибудь колышекъ, замѣняющій ступеньку, колеблющаяся всякая лѣстница изъ прутьевъ, балконъ, громадный утесъ, на который можно взобраться, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ и едва-едва схватившись руками за верхній выступъ...

Вернуться назадъ нельзя: сзади идутъ другіе, а разойтись невысказано. Идущіе впереди, болѣе опытные, указываютъ на какой выступъ какую ногу нужно поставить и за какой камень держаться: если поставить ногу немного ближе, чѣмъ нужно, то при слѣдующемъ шагѣ нельзя будетъ достать ногой до другого выступа. При этомъ всѣ оврынги расположены на очень большой высотѣ надъ рѣкой.

По своей трудности выдѣляется изъ всѣхъ оврынговъ, пройденныхъ во время лѣтняго путешествія, оврынгъ Дархъ; онъ, впрочемъ, находится уже на Пянджѣ, немного выше устья р. Язгулема.

Черезъ большинство впадающихъ въ Бартангъ ручьевъ и потоковъ переходятъ въ бродъ. Кой-гдѣ есть мосты: или просто перекинутое бревно или два, или кавказскаго типа, т. е. съ береговъ укладываютъ нѣсколько рядовъ бревенъ, постепенно выдвигая одни концы ихъ дальше и дальше надъ водой, а на другіе наваливая камней; на получившіяся такимъ образомъ основанія кладутъ два или три бревна, а на нихъ уже настилку. Ширина

Рис. 5. Искусственный балконъ.

моста $1\frac{1}{2}$ — 2 аршина; при движеніи онъ сильно дрожитъ и качается. Единственный мостъ черезъ Бартангъ у кишлака Сипонджъ такого же типа.

Описанные пути сообщенія, изъ европейцевъ доступные лишь для людей, совершенно не знающихъ головокруженія или сердцебиенія, — для горцевъ не представляютъ никакихъ затрудненій. Только глубокій снѣгъ, засыпающій зимой всѣ перевалы и горныя тропинки, ограничиваетъ весь внѣшній міръ таджика узкими предѣлами одной долины, а мѣстами даже райономъ двухъ—трехъ кишлаковъ. Лишь тамъ, гдѣ русскія военныя власти

успѣли проложить маломальски сносную дорогу, сношенія долинъ между собою не прекращаются и зимою.

Но лѣтомъ и въ особенности осенью таджикъ — неустойчивый ходокъ по горамъ. Соединяясь въ группы по два — три человѣка, таджики идутъ въ города Западной Бухары или Ферганы на отхожіе промыслы, а иногда за покупками. Съ небольшими котомками за плечами, почти безъ всякихъ запасовъ, они легко и свободно карабкаются по скаламъ, подоткнувъ за поясъ полы своихъ длинныхъ *g'alim*-овъ, и, раздѣвшись донага, переправляются на турсукахъ черезъ рѣки. Ловкость и легкость ихъ движеній поражаетъ наблюдателя. Весь ихъ физическій складъ, кажется, приспособленъ къ жизни въ горахъ. Тучные и вялые не встрѣчаются вовсе среди таджиковъ. Не сильные физически, они удивляютъ своей выносливостью и гармоничнымъ развитіемъ сравнительно небольшой мускулатуры, которая, вслѣдствіе сухощавости сложенія, рѣзко различается на тѣлѣ. Довольно высокаго роста (въ среднемъ, по моимъ измѣреніямъ, 166 см., минимумъ — 153,4 см., максимумъ — 179,4 см.), они отличаются сравнительно длинными конечностями съ небольшими и узкими ступнями ногъ и ладонями рукъ; мускулы на рукахъ и икры ногъ — малыхъ размѣровъ, но чрезвычайно упруги и рельефны.

Свободная, непринужденная походка, неширокія плечи и отсутствіе рѣзко очерченной талии не позволяютъ, быть можетъ, назвать таджиковъ «красивыми» въ европейскомъ смыслѣ этого слова, но придаютъ имъ гибкость и плавность движеній и своеобразное изящество.

Антропологическіе результаты моихъ наблюденій еще не подвергались обработкѣ, и я долженъ ограничиться лишь передачей общихъ, по необходимости, до извѣстной степени субъективныхъ впечатлѣній.

Къ сообщеннымъ цифровымъ даннымъ о ростѣ можно прибавить еще, что, по моимъ измѣреніямъ, длина головы колеблется между 170 и 192 мм. (средн. — 181 мм.) и ширина — между 137 и 164 мм. (средн. — 152 мм.).

Очень трудно опредѣлить общій типъ рушанскихъ таджиковъ.

Правда, кромѣ уже указанныхъ, есть еще много чертъ, общихъ всѣмъ таджикамъ, которыя прежде всего замѣчаются наблюдателемъ. Почти у всѣхъ горцевъ лица овальные, слегка удлиненыя, съ большими, глубоко сидящими глазами. Рѣзко выдѣляется на лицѣ крупный носъ съ высокимъ, узкимъ переносьемъ и съ широкими, часто мясистыми крыльями, иногда съ небольшою горбинкой; «орлиный» носъ почти не встрѣчается. Кожа на закрытыхъ частяхъ тѣла совершенно бѣлая; лицо и открытыя части тѣла, т. е. руки, ноги, грудь, а иногда и вся верхняя половина туловища, — коричневыя или даже темнокоричневыя отъ загара.

Но на ряду съ общими признаками замѣчаются и различія, пожалуй, не менѣе существенныя.

Цвѣтъ волосъ головы самый разнообразный: отъ свѣтлорусыхъ оттѣн-ковъ сѣверно-нѣмецкаго типа (не «мочальнаго» цвѣта, какой встрѣчается у финляндцевъ и русскихъ крестьянъ) до черныхъ блестящихъ, «какъ вороново крыло»; рыжіе не попадаютъ. Вполнѣ бѣлокурые встрѣчаются сравнительно рѣдко.

Въ общемъ, въ зависимости отъ окраски волосъ, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ находятся и нѣкоторые другіе признаки, можно установить три типа, между которыми приблизительно поровну распредѣляется все населеніе Русшана и Бартанга, съ преобладаніемъ, впрочемъ, черноволосаго типа.

Рис. 6 и 7. Горный таджикъ съ верховьевъ Бартанга.

Первый типъ характеризуется очень черными, съ отливомъ, густыми волосами и обильной растительностью на лицѣ, обыкновенно не такого чернаго цвѣта, какъ волосы головы; очень темные или темнокаріе глаза и сравнительно толстыя губы.

Противоположность этому типу представляетъ менѣе распространенный, но столь же рѣзко выдѣляющійся свѣтлорусый типъ, среди представителей котораго изрѣдка встрѣчаются даже совсѣмъ бѣлокурые; мягкая, иногда шелковистая, борода и усы не вполнѣ закрываютъ лицо даже у стариковъ; у молодежи борода только окаймляетъ лицо, оставляя безволосыми щеки или подбородокъ; губы почти всегда тонкія; каріе глаза встрѣчаются очень рѣдко, — преобладаютъ сѣрые, съ зеленоватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ; всѣ черты лица значительно тоньше, чѣмъ у представителей перваго типа.

Темнорусые, почти черноволосые составляютъ третій, какъ бы пере-

ходный, типъ; обильная растительность закрываетъ все лицо, глаза чаще каріе, иногда сѣрые, губы не очень тонкія.

Особнякомъ стоятъ повсемѣстно, хотя въ незначительномъ количествѣ, встрѣчаемые люди совершенно другого физическаго склада, «грубаго», если умѣстно употребить это слово для характеристики типа. Они выдѣляются изъ общей массы сравнительно низкимъ ростомъ и приземистымъ массивнымъ сложеніемъ. Широкое лицо, сравнительно маленькіе глаза, толстыя губы, широкій носъ съ низкимъ переносьемъ кладутъ на нихъ отпечатокъ какой-то тупости и неинтеллигентности. Густые темные волосы, покрывающіе лицо и голову, приближаютъ эту группу къ темноволосому типу.

Среди темноволосыхъ очень часто встрѣчаются типы, поразительно напоминающіе древне-еврейскій. Плотно-сжатые, иногда оттопыренные губы, каріе глаза, выющіяся отдѣльными завитками бороды у стариковъ, длинные локоны, закрывающіе щеки у молодежи, — все это черты, создающія сходство съ библейскими евреями. Патріархальность обстановки, одежда еще болѣе увеличиваютъ его.

Среди свѣтловолосыхъ многихъ можно принять за переодѣтыхъ крестьянъ средней Россіи. Если бы не слишкомъ прямой носъ, сходство было бы полное.

Смѣшанные браки по возможности избѣгаются горцами Рушана. Если иногда таджики, главнымъ образомъ, по мотивамъ экономическаго свойства и выдаютъ своихъ дочерей замужъ на сторону, чаще всего за киргизовъ, то все-таки женъ для своихъ сыновей берутъ исключительно изъ своей среды. Мнѣ не пришлось ни разу встрѣтить на Бартангѣ женщины иноземнаго происхожденія; по разспросамъ, подобныхъ случаевъ не бывало и раньше. Мало того, сравнительно рѣдко заключаются браки съ неродственницами, чужеродками (b'egâná); подобные браки хотя допускаются, но вызываютъ не особенно одобрительное къ себѣ отношеніе.

Чаще всего берутъ въ жены сестеръ — двоюродныхъ, троюродныхъ, четвероюродныхъ (patíš, čabutbíð-patíš и xix), какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери. Такой бракъ считается самымъ нормальнымъ.

При антропологическихъ измѣреніяхъ я всегда задавалъ вопросы, касающіеся жены измѣряемаго, и оказалось, что, за немногими исключеніями, всѣ остальные были женаты на своихъ кузинахъ различныхъ степеней.

Можно взять еще дочь брата или сестры (xêr), но на теткахъ (wêc) нельзя жениться даже въ отдаленныхъ степеняхъ. Нельзя также жениться на единоутробныхъ или единокровныхъ сестрахъ (bâ'î uax). Многоженство

допускается, но фактически не существует. Раньше было по одному двоеженцу въ Барчидивѣ и Орошорѣ; сейчасъ не осталось ни одного.

При заключеніи брака довольно видную роль играетъ братъ матери невѣсты: онъ получаетъ почти такую же часть вѣна, какъ и отецъ невѣсты.

Одежда горцевъ состоитъ изъ шерстяного, довольно прочнаго халата (g'alím) и такихъ же штановъ (tambán). Овечья шерсть, употребляемая для выдѣлки сукна, не красится; ея обыкновенные цвѣта — это бѣлый, сѣрый, темнокоричневый, черный; встрѣчаются, впрочемъ, и полосатые халаты — сѣрый съ чернымъ — šau-g'alím. На рушанскихъ халатахъ нѣтъ ни пуговицъ, ни какихъ-либо завязокъ; онѣ появляются только въ сосѣднихъ областяхъ: Шугнанѣ и Дарвазѣ. Въ Рушанѣ халатъ запахивается на правую сторону и стягивается широкимъ шерстянымъ поясомъ (mihín). Длина g'alím-овъ различна: иногда они не закрываютъ колѣнъ, иногда спускаются до земли.

Большинство надѣваетъ g'alím прямо на голое тѣло; болѣе состоятельные носятъ еще сѣрую шерстяную или бумажную рубашку (k'urtá) съ треугольнымъ вырѣзаннымъ воротомъ. Нѣкоторые, впрочемъ, ограничиваются одной рубашкой и не носятъ g'alím-овъ.

Довольно широкіе штаны шьются глухими: разрѣзовъ нѣтъ ни спереди, ни съ боковъ; только въ талии дѣлается два небольшихъ отверстія (nifá), черезъ которыя продергивается и стягивается узкій плетеный поясокъ (tarwíg') или такой же шнурокъ (liǎk') съ кистями (pulk'). На ноги надѣваются толстые шерстяные чулки (jigáb), которые вяжутся женщинами изъ шерсти очень яркихъ цвѣтовъ по довольно затѣливому рисунку. Иногда надѣваютъ двѣ или даже три пары такихъ чулокъ. Мягкіе сапоги (rêx), по большей части изъ кожи архара или кінка, дополняютъ костюмъ. У щиколотки они стягиваются завязками (rêxban) — шнурками или тесемками.

Головной уборъ таджика чаще всего состоитъ изъ tâqé (въ низовьяхъ Бартанга — tâqáú), тибетейки обычнаго сартовскаго типа, привозимой изъ Бухары или Ферганы и иногда лишь украшаемой вышивками на мѣстѣ. Сравнительно рѣдко поверхъ tâqé голову повязываютъ еще тюрбаномъ (sallá), для чего служитъ тотъ же mihín, который стягиваетъ бедра. Обыкновенно только не имѣющіе тибетейки носятъ чалму.

Очень часто можно встрѣтить еще такъ называемыя rak'ól — вязаные шерстяные шапочки въ видѣ колпака, плотно нахлобучиваемаго на голову; края его заворачиваются кверху иногда нѣсколько разъ, такъ что шапочка получаетъ форму блина.

Бѣдняки часто ничѣмъ не покрываютъ голову и только, для защиты головы отъ солнца, иногда надѣваютъ вѣнокъ изъ травы или широкихъ листьевъ.

Зимой обыкновенный костюмъ дополняется еще *pustín*-омъ (въ верховьяхъ Барганга—*warbán*)—нагольнымъ овчиннымъ тулупомъ, одинаковаго покроя съ *g'alím*-омъ; на спину шубы нашивается вырѣзанный изъ кожи орнаментъ.

Рис. 8. Группа рушанскихъ таджиковъ.

Кромѣ *pustín*-а, носятъ еще ватные стеганные халаты, получаемые отъ киргизовъ или привозимые изъ Ферганы или Бухары.

На ноги надѣваются чрезвычайно широкіе шаровары (*šawolák'*), въ которые заправляется халатъ или даже шуба; ширина ихъ въ талии доходитъ до 200 см. и болѣе.

Зимнія шапки (*talpák'*) шьются чаще всего изъ овчины; кроются или покупнымъ сукномъ или мѣхомъ кіика; оторочка мѣховая.

Перчатки (*bilá, dastbilá*) носятъ сравнительно рѣдко; вяжутся изъ овечьей или кіичьей шерсти. Изготавливаются еще *abđútt*—спеціальная перчатка изъ очень простой шерсти; *abđútt* надѣвается во время жатвы на лѣвую руку, которою жнецъ захватываетъ колосья. Только на правой рукѣ носится перчатка во время охоты съ ястребомъ (*bâšá*); эта перчатка шьется изъ кожи кіика и часто орнаментируется.

Осенью, въ грязную погоду, на ноги, поверхъ *péx*-овъ, надѣваются

k'afĥ (въ Орошорѣ — k'áriĥ) — деревянные башмаки-туфли на трехъ подставкахъ (ruz').

По рыхлому снѣгу ходять на ĥarág — круглыя плетенныя подставки, не позволяющія ногѣ провалиться въ снѣгъ. Для ходьбы по обледенѣлымъ скаламъ употребляются особыя роговыя подставки (rapnám), подбитыя большими желѣзными гвоздями.

Рис. 9. Аксакаль Кабуль изъ с. Бачридивъ.

Рѣдкій таджикъ имѣетъ полный комплектъ платья. Нѣкоторые не имѣютъ даже g'alím-овъ, и нерѣдко можно въ самую жаркую пору увидѣть горца въ шубѣ или ватномъ халатѣ. Дѣти часто ходять совершенно голыми, иногда носятъ халатики и рубашки того же покроя, какъ и у взрослыхъ.

Женскій костюмъ, въ общемъ, мало чѣмъ отличается отъ мужского. Всѣ виды обуви носятъ безразлично и мужчинами и женщинами. Панталоны (tambán), надѣваемые женщинами, какъ и мужчинами, прямо на тѣло, суживаются книзу и шьются немного длиннѣе, чѣмъ мужскія, спускаясь ниже щиколотки. Сверху надѣвается рубашка одинаковаго покроя съ мужской, отличаясь только тѣмъ, что мужская рубашка — это предметъ роскоши, тогда какъ у женщинъ рубашка — необходимая часть костюма.

Шапочки (rak'ál — въ низовьяхъ, kaġarišák' — въ верховьяхъ Бартанга), сшитыя изъ бумажной матеріи, носятъ по большей части старухи. Дѣвушки

и молодыя женщины носятъ только большой четырехугольный платокъ (cíl), прикрывающій затылокъ и спускающійся на спину; иногда этотъ платокъ придерживается головной повязкой (sarbandák', k'albandák'), обыкновенно пестро вышитой.

Зимой женщины почти ничего не мѣняютъ въ своемъ нарядѣ. Проводя большую часть времени дома или возлѣ дома, таджички не испытываютъ нужды въ специальномъ зимнемъ платьѣ. Если же нужно совершить болѣе

или менѣе продолжительный переходъ или поѣздку, то стараются только одѣться потеплѣе, надѣвая двѣ-три рубашки и тщательно укутываясь платкомъ. Сравнительно рѣдко и только въ большой холодъ женщина надѣваетъ на себя шубу, но толстые зимніе шаровары (*šawolák'*)—никогда.

Какъ уже упоминалось, женщины ходятъ съ открытыми лицами; только въ очень торжественныхъ случаяхъ онѣ надѣваютъ *šaḥbānd*—вышитое лицевое покрывало, кисти котораго завязываются сзади. Только въ одномъ мѣстѣ я нашелъ такое покрывало, причемъ въ семьѣ, владѣвшей имъ, сохранилось преданіе о переселеніи ихъ предковъ изъ Читрала.

Украшенія очень неравномѣрно распредѣлены на одеждѣ таджика. Штаны и панталоны, равно какъ и шапочки не украшаются вовсе. Воротъ и рукава *g'alim*-овъ и рубашекъ обшиваются одной или двумя цвѣтными нитями. Чулки всегда вяжутся изъ разноцвѣтной шерсти, и рисунокъ ихъ самый разнообразный. Такъ же прихотливо и затѣйливо плетеніе *tarwíg'*-овъ и *rəḥban*-овъ: не только орнаментировка, но даже самый фасонъ ихъ чрезвычайно разнообразенъ.

Кромѣ шерсти, на Бартангѣ нѣтъ другихъ матеріаловъ для одежды; бумажныя ткани покупаются у сосѣдей или привозятся изъ городовъ.

Главнымъ образомъ въ употребленіи овечья шерсть, хотя также употребляется козья, верблюжья, кутасья и кіичья. Стрижка овецъ—это дѣло женщины; прядуть безразлично мужчины и женщины; ткуть только мужчины; шитье, вязанье, плетенье и вышиванье—исключительно женскія занятія.

Волосы на головѣ мужчины сбиваютъ, хотя рѣдко, и, видимо, не слѣдятъ за этимъ. Иногда, въ случаѣ большого горя, напримѣръ, если умерли отецъ и мать, волосы отпускаютъ до плечъ.

Молодежь, кромѣ того, подстригаетъ бороду и концы усовъ; иногда даже попадаютъ горцы съ гладко выбритыми подбородками.

Женщины расчесываютъ волосы пополамъ и заплетаютъ на двѣ косы. Довольно густые, ихъ волосы не отличаются длиной; поэтому таджички приплетаютъ къ нимъ длинныя шерстяныя косы (*k'ílbaś*) съ большими кистями или узлами на концахъ. Къ концамъ косъ таджикія хозяйки обыкновенно привязываютъ ключи отъ кладовыхъ и проч., чтобы не затерять ихъ. Сюда же привязываютъ мелкія украшения, бездѣлушки и пр.

Чаще всего женщины украшаютъ себя различными бусами и ожерельями (*séfts*), начиная отъ незатѣйливыхъ бусъ, сдѣланныхъ изъ можжевельновыхъ ягодъ, нанизанныхъ на нитку. Болѣе состоятельныя покупаютъ у заѣзжихъ торговцевъ бисеръ, разноцвѣтныя стеклянныя бусы, кораллы и собираютъ ихъ въ ожерелье иногда довольно прихотливаго сочетанія красокъ. Подвѣски изъ сухой гвоздики (*qalamfúr*), носимыя на груди, одновременно служатъ

украшеніемъ и замѣняютъ духи. Браслеты (*paḡḡit*) носятъ мѣстной работы—мѣдные и серебряные, — въ видѣ плоскаго незамкнутаго обруча, иногда съ утолщеніями на концахъ.

Кольца (*čelá*) не пользуются большимъ распространеніемъ, хотя носятъ и мужчинами и женщинами; встрѣчаются мѣдныя кольца (*béranž-čelá*)—широкія, плоскія, орнаментированныя—и роговыя (*háxin-čelá*). Гораздо больше женщины любятъ различныя серьги (*piḡáwíj*), обыкновенно приготовляемыя на мѣстѣ изъ привозныхъ матеріаловъ. Серьги иногда очень большія и тяжелыя и состоятъ изъ многихъ отдѣльныхъ частей, подвѣсокъ и т. д.

Мужчины и дѣти тоже иногда носятъ серьги, но у нихъ онѣ имѣютъ значеніе амулетовъ, а не украшеній, и представляютъ собой простое серебряное или мѣдное колечко. Серьжки эти даются ишаномъ (см. стр. 143) и помогаютъ противъ болѣзней и другихъ непріятностей и гадостей, которыя старается причинить человѣку дэвъ. Дэвовъ очень много; царство ихъ — подъ землей; тамъ же находится ихъ глава—*háxdág*. Чтобы вредить людямъ, дэвы часто выходятъ изъ своего царства черезъ горныя ущелья и расщелины скалъ. У каждаго человѣка есть свой дэвъ, который старается ему принести какъ можно больше вреда, но при случаѣ дэвъ не прочь сдѣлать какую-нибудь гадость и другимъ людямъ. Болѣзни, неудачи,— все происходитъ отъ дэвовъ. Бороться съ ними очень трудно и, пожалуй, было бы совсѣмъ невозможно, если бы человѣку не помогали добрыя парэ. Царство ихъ—*kuiqáf*—гдѣ-то очень далеко, и оттуда парэ приходятъ помогать людямъ. Какъ каждый дэвъ, такъ и парэ специально заботится и помогаетъ какому-нибудь одному человѣку. Если кому-нибудь повезло въ дѣлахъ, то про такого человѣка всѣ окружающіе говорятъ: «ему помогла парэ».

Парэ всегда борется съ дэвомъ, но не всегда въ состояніи съ нимъ справиться, и человѣкъ самъ долженъ прійти ей на помощь.

Это дѣлается различно.

Въ случаѣ какой-нибудь душевной или нервной болѣзни (истеріи, падучей), когда дэвъ забрался внутрь человѣка и не даетъ ему управлять собой, нужно его выгнать оттуда. Для этой цѣли больному даютъ ѣсть человѣческія изверженія или что-нибудь столь же отвратительное. Тогда дэвъ, находящійся внутри, самъ не захочетъ тамъ оставаться, и больной поправляется.

Въ болѣе серіозныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ случаѣ безплодія женщины, на дэва нельзя подѣйствовать такимъ способомъ. Обращаются къ ишану. Ишанъ, посоветовавшись съ своей парэ, даетъ женщинѣ молитву, написанную на клочкѣ бумаги. Молитва эта зашивается въ полотняный или кожаный мѣшочекъ,— обыкновенная его форма: продолговатый прямоугольникъ или равнобедренный треугольникъ,— и этотъ *tamág* носится на груди.

Чтобы онъ возымѣлъ лучшее дѣйствіе, женщина нѣкоторое время не должна употреблять въ пищу соли и молока, а должна питаться преимущественно пшеничнымъ хлѣбомъ и чаемъ.

Подобные tamár даются и отъ другихъ болѣзней; иногда ихъ нужно прикладывать къ больному мѣсту, но по большей части ихъ носятъ на груди приколотыми къ g'alím-y.

Если паръ плохо помогаетъ человѣку, то на нее воздѣйствуютъ тоже при помощи соответствующаго tamár-a.

Кромѣ tamár-овъ, дѣти иногда еще носятъ, въ качествѣ талисмана, когти барса, которые развиваютъ въ дѣтяхъ храбрость, а мальчиковъ, сверхъ того, дѣлаютъ хорошими охотниками.

Достопримѣчательность Басита составляетъ особо почитаемый туземцами мазаръ.

Мазары повсемѣстно встрѣчаются на Памирѣ. Воздвигаются они на открытыхъ и возвышенныхъ мѣстахъ въ честь какого-нибудь святого или праведника, погребеннаго тутъ же или освятившаго мѣсто какимъ-нибудь благочестивымъ поступкомъ или просто своимъ пребываніемъ. Болѣе чтимые мазары строятся въ видѣ открытыхъ террасъ-балконовъ съ примыкающими къ нимъ одной-двумя кельями. Иногда мазары представляютъ собой просто правильно сложенную кучу камней. Почти постояннымъ признакомъ всякаго мазара—безразлично, большого или малаго—является водруженный на высокомъ шестѣ хвостъ яка и нѣсколько положенныхъ на камняхъ или какъ-нибудь укрѣпленныхъ роговъ кінка, или даже, какъ въ Баситѣ, цѣлый черепъ кінка съ рогами; почти всегда на томъ же древкѣ, гдѣ и хвостъ яка, или на отдѣльныхъ развѣваются въ видѣ флажковъ разноцвѣтные тряпки и лоскуты.

Поровнявшись съ мазаромъ, горецъ или останавливается на минуту, чтобы совершить молчаливую молитву, или на ходу прикасается къ камнямъ мазара концами пальцевъ и затѣмъ дотрогивается ими до губъ и лба. Мимо очень почитаемыхъ мазаровъ нельзя проѣхать верхомъ, а нужно сойти съ лошади, не доѣзжая до мазара нѣсколькихъ шаговъ, и пѣшкомъ приблизиться къ нему.

Баситцы увѣряютъ, что ихъ мазаръ—самый большой на Памирѣ. По преданію, въ старое время, когда въ Баситѣ еще не было мазара, въ рѣкѣ поселился громадный драконъ (âšdâhri kalân), который по временамъ выходилъ на берегъ и пожиралъ жителей. Баситцы жили въ постоянномъ страхѣ и никакъ не могли избавиться отъ дракона. Въ это время по Бартангу проходилъ святой мужъ по имени Ходжай Нурды. Онъ пробылъ нѣсколько дней

въ Баситѣ и избавилъ его жителей отъ дракона: по одной верси, убилъ его, по другой—только прогналъ. Въ память этого чудеснаго избавленія благодарные баситцы воздвигли мазаръ на обрывѣ горы, у подножья которой расположенъ кишлакъ.

Почтеніе къ мазару такъ велико, что никакой человѣкъ не можетъ подняться къ нему и войти внутрь. Одинъ только шейхъ, живущій возлѣ, которому поручено наблюденіе за мазаромъ, разъ въ недѣлю поднимается къ мазару, чтобы прибавить масла въ горящій тамъ свѣтильникъ и положить два куса хлѣба. Прежде выполненія этой обязанности шейхъ долженъ подготовить себя молитвой и совершить въ рѣкѣ полное омовеніе всего тѣла. Даже онъ не можетъ приблизиться къ мазару въ неурочное время; если же кто другой нарушитъ запретъ, то у осквернителя святыни навсегда отнимутся глаза и ноги.

Нѣсколько разъ въ годъ передъ баситскимъ мазаромъ совершается худои (худай), т. е. общая трапеза и жертвоприношеніе. Худои не обязательно должно совершаться передъ мазаромъ, но въ мѣстахъ, гдѣ есть мазаръ, оно совершается передъ нимъ.

Во время лѣтняго путешествія 1914 года худои было совершено въ нашемъ присутствіи въ сс. Орошорѣ, Бардугѣ и Баситѣ. Бардугское худои носило болѣе трогательный, «интимный» характеръ, два другихъ—болѣе торжественный.

Весь кишлакъ участвуетъ въ совершеніи худои. Богатые жертвуютъ двухъ-трехъ барановъ, большинство—по одному; только совсѣмъ неимущіе не даютъ ничего. При совершеніи худои въ Бардугѣ было зарѣзано 10 барановъ, въ Орошорѣ и Баситѣ значительно больше.

Всѣ собираются на просторномъ лугу: въ Баситѣ—передъ мазаромъ, въ Орошорѣ—недалеко отъ мечети. Изъ толпы народа выходитъ впередъ шейхъ или халифъ съ нѣсколькими стариками и, обратившись лицомъ къ мазару, читаетъ молитву. Послѣ молитвы каждый взваливаетъ своего барана на плечи и несетъ къ жертвеннику, находящемуся у самаго подножія горы, наверху которой мазаръ. На этомъ жертвенникѣ, сложенномъ изъ камней и украшенномъ сверху рогами кіика, происходитъ закланіе барана, чѣмъ заканчивается первая часть церемоніи. Халифъ и почетные люди селенія расходятся по домамъ; остальные уносятъ бараньи туши къ себѣ, гдѣ, подвѣсивъ ихъ къ вѣтвямъ дерева, снимаютъ съ нихъ шкуру, вынимаютъ внутренности и рѣжутъ на части. Нарѣзанное на большіе куски мясо варится, при чемъ печень, почки, сердце считаются особо лакомыми кусками и варятся отдѣльно.

Гдѣ нѣтъ жертвенника, какъ въ Орошорѣ и Бардугѣ, закланіе происходитъ прямо на лугу, подъ деревьями.

Вечеромъ, когда мясо сварится, всѣ собираются опять; каждый прино-

ситъ на большихъ деревянныхъ блюдахъ сваренную у него часть. На нѣсколькихъ достарханахъ (платкахъ) разставляются блюда, печень и прочія внутренности кладутся отдѣльно, и опять халифъ или шейхъ произноситъ молитву. Всѣ садятся въ большой кругъ, посреди котораго какой-нибудь пользующійся довѣріемъ или уваженіемъ односельчанинъ (но не халифъ и не шейхъ) дѣлитъ мясо на равныя части. Предварительно онъ подноситъ халифѣ или шейху и прочей знати блюдо съ отобранными заранѣе лучшими кусками. Когда дѣлежъ законченъ и все мясо разложено на множество равныхъ частей, каждый получаетъ свою долю; доли отсутствующихъ относятся къ нимъ домой. По окончаніи трапезы опять, какъ въ началѣ, произносится молитва.

Далеко не всѣ расходятся по домамъ послѣ худои. Многіе долго еще остаются на лугу; собираются группы, раздается музыка, слышится пѣніе.

Мѣстомъ собраній служить часто мечеть, которая бываетъ, впрочемъ, не во всякомъ селеніи.

Горцы отвергаютъ многія обрядности ислама и даже смѣются надъ суннитами, говоря, что тѣ «*šammēšá namáz mikupánd*» (всегда молятся). По ихъ словамъ, молиться нужно дважды въ день, но, кажется, они не исполняютъ и этого предписанія. Зато ихъ собранія, какъ въ мечети, такъ и въ другихъ мѣстахъ, очень часто носятъ религіозный характеръ. Поютъ пѣсни духовнаго содержанія, играютъ; кто-нибудь рассказываетъ нравоучительную исторію.

Для горцевъ эти музыкальные вечера не развлеченіе только: они слушаютъ пѣвца съ благоговѣніемъ, иногда даже въ какомъ-то самоуглубленіи или самозабвеніи. Бываетъ, что кто-нибудь изъ присутствующихъ искусственно усиливаетъ впечатлѣніе, намѣренно впадая въ экстатическое состояніе и увлекая другихъ.

Желающій пережить подобное состояніе начинаетъ въ тактъ музыки закидывать голову назадъ и опускать ее на грудь; постепенно раскачиванія становятся быстрѣе и сильнѣе; подобный субъектъ уже раскачивается всѣмъ туловищемъ, и не только впередъ и назадъ, но и изъ стороны въ сторону, пока, обезсилѣвъ, не опустится на землю. При каждомъ покачиваніи онъ выкрикиваетъ какія-нибудь короткія слова. Чаше всего выкрикивается слово *haq* (حق), иногда — *haq bar haq, haq alí, bar haq alí* (حق برحق, حق على برحق). Поэтому и само изступленное состояніе, въ которое себя приводитъ выкрикивающій и раскачивающійся, называютъ *haq dēdōu*. Другихъ охватываетъ то же состояніе; раскачивающихся становятся трое-четверо, но не больше: большинство довольно скептически относится къ подобнымъ упражненіямъ.

Несмотря на недовѣрчивое отношеніе со стороны большинства, подоб-

ные «раскачивающіеся» встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, но главнымъ образомъ, если не исключительно, по Бартангу.

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобнымъ раскачиваніемъ былъ охваченъ не только весь Бартангъ, но и прилежащія области.

На Бартангѣ появилась какая-то эпидемическая болѣзнь, отъ которой многіе умирали. За полнымъ отсутствіемъ медицинской помощи, бартангцы лѣчились, какъ могли. Удачнымъ лѣченіемъ особенно прославился нѣкій Раджа-бегъ. Между прочимъ, ему удалось вернуть даръ слова одной нѣмой женщинѣ, въ которую, по его словамъ, вселился злой духъ (*ālmasté*), связавшій языкъ больной. Раджа-бегъ побѣдилъ злого духа и прогналъ его въ Дарвазъ. Послѣ этого чудеснаго исцѣленія его стали признавать святымъ, одареннымъ чудесной силой. Раджа-бегъ самъ увѣровалъ въ свою святость, пересталъ заниматься домашними дѣлами и проводилъ время въ размышленіяхъ и омовеніяхъ. Къ нему примкнули многіе односельчане, стали приходить изъ другихъ селеній посмотреть на святого и поучиться у него. Раджа-бегъ предсказывалъ скорое пришествіе новаго имама, который будетъ безпощадно наказывать и истреблять всѣхъ непокорныхъ и невѣрующихъ. Онъ призывалъ всѣхъ приготовиться къ приходу имама и очистить себя отъ грѣховъ размышленіемъ и *haq dēdōu*. Всю зиму продолжалась проповѣдь Раджа-бега, а весной онъ съ нѣсколькими стами приверженцевъ спустился въ Рушанъ и Шугнанъ, увлекая своей проповѣдью массы народа, которыя вмѣстѣ съ нимъ направились къ мазару *hazrāti imāmi muhammādi bōqir* на Гунтѣ. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько дней внутри мазара въ благочестивыхъ размышленіяхъ. Послѣдователи оставались снаружи и ждали появленія обѣщаннаго имама. Такъ какъ надежды на его скорое появленіе не оправдывались, то народъ малопомалу сталъ расходиться. Черезъ нѣкоторое время направился обратно и самъ Раджа-бегъ, объявивъ, что имамъ придетъ въ другое время. Однако, движеніе, поднятое имъ, не улеглось сразу, и еще долго то тамъ, то сямъ отдѣльныя группы принимались вновь за радѣнія (*haq dēdōu*). На Бартангѣ, повидимому, это движеніе и теперь еще не вполне исчезло.

Во время своего путешествія съ Бартанга на Гунтѣ, продолжавшагося цѣлое лѣто, Раджа-бегъ исцѣлялъ больныхъ ударами своего пояса и отчитываніемъ. Такимъ же образомъ онъ приводилъ въ чувство тѣхъ, кто въ изнеможеніи падалъ и лишался чувствъ во время радѣнія. Онъ былъ человѣкомъ неграмотнымъ, а потому всегда импровизировалъ свои молитвы. Представители официальнаго духовенства—ишаны—выжидательно относились къ нему, не препягствуя паствѣ слѣдовать за нимъ, но и не поощряя ея.

Разсказываютъ, что еще раньше—приблизительно лѣтъ 70 тому назадъ—въ Рушанѣ какой-то шейхъ провозгласилъ себя святымъ и также

призывалъ народъ къ радѣніямъ (haq dēdōu). Собравъ большую толпу приверженцевъ, онъ пошелъ въ Кала-и-Вамаръ, гдѣ въ то время жилъ самостоятельный рушанскій šā (князь). Этотъ князь испугался и бѣжалъ въ Файзабадъ. Его примѣру послѣдовалъ и шугнанскій князь, жившій въ Кала-и-бар-Панджа. Тогда новоявленный святой окончательно увѣровалъ въ свою силу и направился къ Файзабаду, объявивъ, что онъ сокрушитъ всѣхъ враговъ безъ всякаго оружія, при помощи только своего пояса. Бадахшанскій миръ (князь) съ войскомъ выступилъ навстрѣчу. Чуда не случилось. Безоружный святой былъ убитъ, его голова отрублена, а тѣло сожжено. Его послѣдователи разбѣжались, при чемъ многіе также были убиты.

Только-что описанныя религіозныя крайности, не одобряемыя большинствомъ, не выдѣляютъ, впрочемъ, «усердствующихъ» въ особую религіозную группу и не мѣшаютъ имъ принадлежать къ той религіозной организаціи, которую составляетъ вся остальная масса населенія.

Какъ извѣстно, горные таджики Рушана принадлежатъ къ шіитской сектѣ измаилитовъ (Ismāīlyā); рѣдкій таджикъ, впрочемъ, называетъ себя этимъ именемъ: большинство просто считаетъ себя musulmān, противопоставляя себѣ šīuā и sunnī. Догматическое богословіе этой секты, имѣющей своихъ приверженцевъ въ четырехъ крупнѣйшихъ государствахъ Средней Азии, уже получило нѣкоторое освѣщеніе въ европейской литературѣ. Насколько это ученіе воспринято его послѣдователями, какія оно претерпѣло измѣненія подъ вліяніемъ какъ общаго уклада жизни горцевъ и древнѣйшихъ ихъ вѣрованій, такъ и подъ вліяніемъ сосѣднихъ религіозныхъ ученій — чтобы отвѣтить хоть сколько-нибудь удовлетворительно на эти вопросы, еще не имѣется достаточнаго матеріала.

Необходимо, однако, сказать нѣсколько словъ объ организаціи секты. Высшимъ духовнымъ руководителемъ и главою секты является Ага-ханъ (Āgā-xān), живущій въ Бомбей; его также преимущественно называютъ *пиромъ* (старцемъ). Послѣднимъ именемъ называютъ также *ишановъ* — непосредственно ему подчиненныхъ руководителей и наставниковъ вѣрующихъ. Ишановъ довольно много, и живутъ они въ разныхъ мѣстахъ. Въ Шугнанѣ три ишана, въ Рушанѣ — тоже три: въ Хуфѣ, Кала-и-Вамарѣ и въ Дерушонѣ (Dērušān — довольно большое селеніе, состоящее изъ 40 домовъ, на Пянджѣ, близъ устья Барганга). Всѣ ишаны считаются равными, но, конечно, въ зависимости отъ ихъ личныхъ качествъ и количества муридовъ (паствы) положеніе ихъ различно. Вообще ихъ авторитетъ и вліяніе на населеніе въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни громадно. Никакого маломальски важнаго дѣла таджикъ не предприметъ, не посовѣтовавшись предварительно

съ ишаномъ. Покупка земли, посѣвъ новаго участка, переселеніе, болѣзни, женитьба, рожденіе дѣтей,— всѣ безъ исключенія событія въ жизни горца заставляютъ его обратиться къ ишану за помощью и наставленіемъ. И его совѣтъ и распоряженія исполняются безпрекословно. Всѣ распоряженія властей немедленно становятся извѣстными ишану, и онъ долженъ высказать свое мнѣніе по поводу ихъ. Раньше даже бывали случаи конфликтовъ на этой почвѣ между ишанами и администраціей Памира. Нынѣ, кажется, обѣ власти—духовная и свѣтская—по возможности стараются считаться другъ съ другомъ. Власть ишана основывается исключительно на силѣ религіи и обычая; какое бы то ни было принужденіе безусловно исключается.

Въ различныхъ мѣстахъ своей области ишанъ имѣетъ помощниковъ и замѣстителей—шейховъ и халифъ. Первые, повидимому, помогаютъ ишану главнымъ образомъ въ дѣлѣ духовнаго руководства, вторые—являются намѣстниками ишана, его передаточными органами. Черезъ нихъ поступаютъ распоряженія, они же ежегодно, обычно осенью, собираютъ со всѣхъ вѣрующихъ подати и приношенія въ пользу Ага-хана и ишановъ. Размѣръ этихъ приношеній опредѣляется исключительно достаткомъ плательщика и обычаемъ; если бы кто-нибудь отказался уплатить причитающійся взносъ, у ишана и халифъ не было бы никакихъ средствъ понудить непокорнаго. Но такихъ случаевъ не бываетъ, и горцы исполняютъ приказанія ишана съ гораздо большей охотой, чѣмъ распоряженія общей администраціи.

Въ большинствѣ случаевъ халифъ же и отвозятъ собранные налоги Ага-хану; иногда, впрочемъ, это дѣлаетъ самъ ишанъ.

Послѣ музыкально-религіозныхъ собраній чаще всего заполняетъ горецъ свои досуги различными танцами и играми.

Мнѣ приходилось наблюдать ихъ въ Орошорѣ, Баситѣ и Сипонджѣ (селеніи, которое насчитываетъ 29 домовъ и которое мы посѣтили послѣ Басита).

Въ комическомъ танцѣ, называемомъ *bârigâk'*, принимаютъ участіе двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ надѣваетъ вывороченную мѣхомъ кверху овчинную шубу, устраиваетъ горбъ на спинѣ, нахлобучиваетъ на глаза зимнюю шапку, въ руки беретъ толстую палку, на которую опирается,—вообще, придаетъ себѣ видъ дряхлаго, немощнаго старика, который, однако, не прочь еще поухаживать. Танецъ изображаетъ его ухаживаніе, все болѣе и болѣе настойчивое, постепенное нарастаніе у него желанія, возбуждаемаго кокетливыми повадками «дамы». Дама, которую изображаетъ другой участникъ танца, одѣта, по возможности, изящнѣе; все лицо ея закутано бѣлымъ платкомъ. Всяческимъ способомъ она старается раздражить своего немощнаго кавалера, уходя и отбиваясь отъ его посягательствъ, и тотчасъ стре-

мась къ нему, какъ только онъ утомится. Заканчивается танецъ тѣмъ, что обезсиленный старикъ, при общемъ хохотѣ зрителей, неуклюже падаетъ на-земь отъ неловкаго толчка дамы.

Другой подобный танецъ, называемый просто *bâzáu*, уже лишень комическаго оттѣнка. Онъ также изображаетъ постепенное ухаживаніе; участники его—двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ переодѣтъ женщиной—подражаютъ тѣлодвиженіямъ пѣтуха и курицы («*masalán mīgŭ*») въ подобныхъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, этого танца мнѣ не пришлось видѣть.

Рис. 10. Танецъ *bâpîrâk*.

Raqosí—танецъ, исполняемый только однимъ танцоромъ, который надѣваетъ сверхъ обыкновеннаго платья еще очень широкій *g'alím* задомъ напередъ, такъ что полы его развѣваются. Голова и лицо обматываются широкимъ платкомъ, въ рукахъ—тонкія деревянныя ложки, замѣняющія кастаньеты. Танцующій быстро кружится то на одномъ мѣстѣ, то перебѣгая по кругу; при этомъ онъ выдѣлываетъ ногами замысловатыя па и щелкаетъ кастаньетами; плавностью движеній и манерами старается подражать женщинѣ.

Всѣмъ этимъ танцамъ непременно сопутствуетъ аккомпанементъ *tambur-a* или, чаще, *gabâb-a*.

Борьба существуетъ двухъ видовъ: *köstín*,—очень напоминающая общеизвѣстную борьбу на поясахъ,—состоитъ въ томъ, что борцы, схва-

тивъ другъ друга за поясъ, стараются повалить одинъ другого; другая называется *g'aug'ašák'*. Борцы становятся на четвереньки задомъ другъ къ другу. Одного изъ нихъ опоясываютъ однимъ концомъ довольно длинной веревки и, пропустивъ другой ея конецъ между ногами обопхъ, дѣлаютъ то же со вторымъ. Борцы стараются перетянуть другъ друга. Очень часто случается, впрочемъ, что веревка, не выдержавъ натяженія, лопається и они летятъ въ разныя стороны.

Рис. 11. Борьба *g'aug'ašák'*.

Стрѣльба изъ лука (*kačénák'*) составляетъ одно изъ любимѣйшихъ развлеченій какъ подростковъ, такъ и взрослыхъ, и даже стариковъ. Лукъ со стрѣлами (*ráθ*) не встрѣчается больше у горцевъ. Повсюду можно видѣть только лукъ, изъ котораго стрѣляютъ небольшими камнями. Дуга его (*mi-ták'* — на верхнемъ, *šöstjâi* — на нижнемъ Бартангѣ) не глубока; ея концы стянуты двойною тетивой (*zil*, *kačénák'-zil*), скрученной изъ коровихъ жилъ; посрединѣ къ обѣимъ тетивамъ прикрѣпленъ небольшой четырехугольный кусокъ кожи (*pusták'* — верхнй, *wafák'* — нижнй Бартангъ), куда кладется камень для стрѣльбы. Стрѣляющй, придерживая пальцами *pusták'* съ зажатымъ въ немъ камнемъ, оттягиваетъ тетиву. Между тетивами, въ верхней части лука, вставляется маленькая деревянная палочка (*sèxák'*), раздвигающая обѣ тетивы и не дающая имъ перепутаться. Въ настоящее время серіознаго охотничьяго значенія *kačénák'* не имѣетъ: на охоту ходятъ исключительно съ большими тяжелыми бухарскими ружьями на подставкахъ

(развилинахъ). Изъ этихъ ружей всегда стрѣляютъ съ земли, лежа или съ колѣна. Kāmēnák' употребляется лишь для стрѣльбы по мелкой птицѣ; кромѣ того, и взрослые и дѣти очень часто развлекаются, стрѣляя изъ него въ цѣль, при чемъ достигаютъ поразительной мѣткости.

Игра въ поло (gūy-bâzî) пользуется также большою любовью и распространениемъ среди горцевъ. Въ ней принимаетъ участіе много народу — отъ 20 до 40 человекъ. Играющие — если позволяетъ мѣсто, игра ведется вер-

12. Игра на бубнахъ.

хомъ — дѣлятся на двѣ партіи, и каждая, при помощи длинныхъ деревянныхъ клюкъ (jig'ân, suwâr-jig'ân), старается отбить отъ другой небольшой деревянный шарикъ — gūy, по имени котораго называется вся игра. Проигравшая сторона должна выставить выигравшимъ угощение въ видѣ барана и т. п.

Всѣ перечисленныя игры и танцы — исключительно мужскія забавы. Единственнымъ женскимъ развлечениемъ является игра на бубнахъ (dāf), сопровождаемая медленнымъ приплясываниемъ. Держа бубенъ въ лѣвой рукѣ, женщины ударяютъ по нему пальцами правой, то опуская его, то поднимая высоко надъ головой. Дѣлаютъ это всегда одновременно нѣсколько женщинъ; иногда ихъ сопровождаетъ еще толпа неиграющихъ, такъ что получается цѣлая процессія.

Желая выразить чувства уваженія и радости, женщины устраиваютъ особенно дорогимъ и почитаемымъ гостямъ торжественную встрѣчу и проводы съ пляской и бубнами въ рукахъ.

Также для оказанія почета гостямъ, ихъ иногда при входѣ или выходѣ обсыпаютъ мукой.

Выѣхавъ изъ Сипонджа, — слѣдующій послѣ Басита кишлакъ, въ которомъ мы сдѣлали послѣднюю значительную остановку, — мы закончили первую половину нашего путешествія и 30 іюля покинули страну таджиковъ Бартанга, пробывъ въ ней, такимъ образомъ, 25 дней.

Нашимъ намѣреніемъ было, взявъ отправленный нами въ пость Хорогскій грузъ, приступить къ обследованію примыкающей къ Бартангу части долины Пянджа, — богатѣйшей и населеннѣйшей области распространенія рушанскихъ таджиковъ, къ которой преимущественно и относится наименование *Ruxân*.

Намѣренію этому не суждено было сбыться. Европейская война, извѣстіе о которой было получено нами въ Хорогѣ, прервала наше путешествіе и одного изъ насъ даже заставила принять въ ней непосредственное участіе ¹.

Спѣшно, кратчайшимъ путемъ черезъ Дарвазъ и Каратегинъ, почти безостановочно, если не считать единственной дневки въ Кала-и-Вамарѣ, мы должны были вернуться въ Европу.

О систематическомъ изученіи въ это время не могло быть и рѣчи, хотя матеріала для него было болѣе чѣмъ достаточно. Не имѣя возможности остановиться, хотя бы на короткое время, съ сожалѣніемъ покинули мы долину р. Язгулема, которую намъ пришлось пересѣчь. Между тѣмъ, и населеніе этой долины и его языкъ, о которомъ съ трудомъ можно найти упоминаніе въ литературѣ, представляютъ выдающійся интересъ.

Много интересныхъ наблюденій было сдѣлано и въ другихъ областяхъ Дарваза и Каратегина, но я не могу на нихъ останавливаться какъ вслѣдствіе ихъ отрывочности, такъ и потому, что они выходятъ уже за предѣлы намѣченной темы.

Въ заключеніе, для тѣхъ, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ бытомъ горныхъ таджиковъ, я могу прибавить, что нѣкоторые матеріалы по этнографіи Рушана можно найти въ собранной мною этнографической коллекціи и въ фотографическихъ снимкахъ, сдѣланныхъ мною во время путешествія; и коллекція, и снимки, вмѣстѣ съ краткими описаніями, находятся въ этнографическомъ Музеѣ Академіи Наукъ.

Петроградъ, февраль 1915 года.

¹ Проф. Готіо суждено было сдѣлаться не только участникомъ, но и жертвою войны; см. выше, стр. 97, прим. Ред.